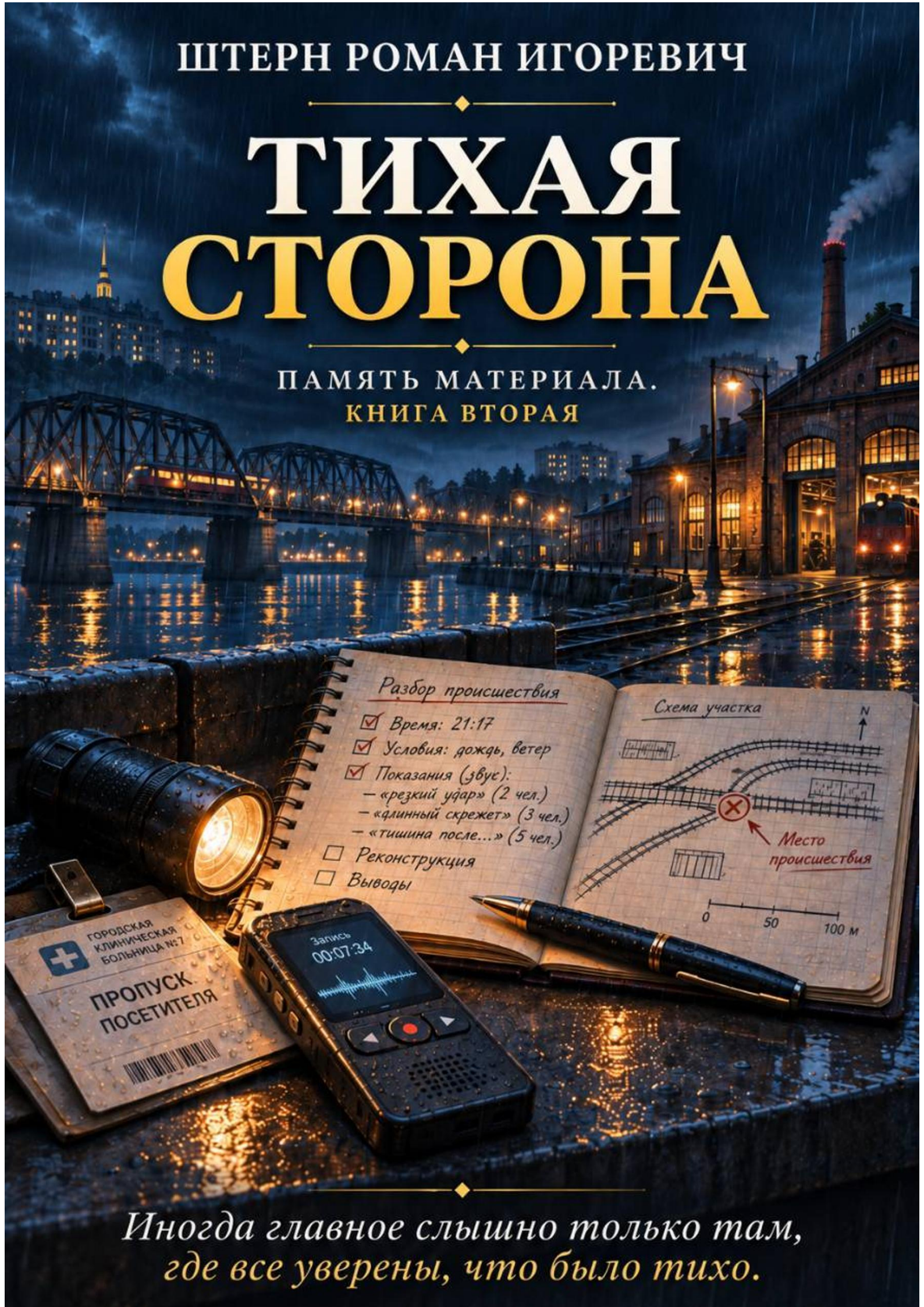
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ

ТИХАЯ СТОРОНА

ПАМЯТЬ МАТЕРИАЛА.
КНИГА ВТОРАЯ

Иногда главное слышно только там, где все уверены, что было тихо.

Роман Штерн

Тихая сторона

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Тихая сторона / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

Денис Круглов слышал предупреждение — и всё равно оказался под транспортной тележкой. Он выжил, но впереди месяцы восстановления, а предварительное объяснение уже возлагает вину на него. Врач-профпатолог Инга Мельникова и её коллега Павел начинают независимое исследование условий в колёсных мастерских. Почему свидетели слышали звук не с той стороны? И зачем отец пострадавшего добивается медицинского запрета на работу для сына? Производственный детектив о цене безопасности, семейном молчании и праве перестать быть чужим спасателем.

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Слышал 6
Глава 2. Южный пролёт 16
Глава 3. Не тот диагноз 24
Глава 4. Принято в работу 33
Глава 5. Защита от разговора 41
Глава 6. Последний метр 49
Глава 7. Запись у Иры 56
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Тихая сторона

От автора

Мы с Вами не знакомы, и всё же у этой встречи уже есть начало: Вы открыли мою книгу. Спасибо, что выбрали её среди других и готовы уделить ей время, которое всегда нужно ещё для чего-нибудь. Я дорожу Вашим вниманием и тем первым доверием, которое возникает раньше, чем становится ясно, близок ли Вам голос автора. Между незнакомыми людьми не так уж часто появляется возможность говорить без спешки. Пусть здесь у Вас будет ощущение, что Вам рады, но ничего от Вас не требуют.

Глава 1. Слышал

Водитель спросил, через мост ехать или по набережной. Инга не сразу ответила. В Североречинске за последние годы изменились названия двух улиц, появился торговый центр на месте молокозавода, но вопрос остался прежним: короткая дорога с разбитым переездом или длинная, где весной подмывало обочину.

— Через мост.

Она поставила сумку с ноутбуком на колени. Чемодан в багажнике стукнулся о баллонный ключ.

— Мам, я уже в машине.

— Ключи у тебя?

— У меня.

— Тогда заходи. Я в магазине, минут через двадцать буду. Капусту ешь?

— Ем.

— В прошлый раз не ела.

— В прошлый раз я приехала в два ночи.

— Ну, сегодня раньше.

Ирина Петровна говорила на ходу; в трубке шелестел пакет. Инга хотела спросить, зачем та понесла покупки сама, если могла дождаться дочери, но удержалась. Ей было сорок восемь, и она всё ещё приезжала домой с готовым перечнем того, что мать должна перестать делать.

— Я куплю хлеб.

— Уже взяла. Не покупай второй.

Шесть недель назад они договорились, что Инга приедет засветло. Тогда это относилось к гаражу и заедающему замку. Потом один день заняла сверка рудогорского регистра, ещё два — ответы на замечания к отчёту; поездка сдвинулась из-за обследований, которые нельзя было отменить после отъезда экспертов. Теперь до вечера оставалось несколько часов. Кассета могла подождать до завтра. Инга решила не спрашивать о ней из такси.

Телефон снова зазвонил, едва она убрала его от уха. Номер был тот же, с которого утром пришло короткое сообщение о несчастном случае.

— Инга Николаевна? Это из колёсных мастерских, от профкома. Вы доехали?

— Да.

— Можно вас сразу попросить в больницу? Круглов там, Денис. Отец с ним. Мы с вами утром…

— Помню. Кто именно просит консультацию?

— Мы. Представители работников. И отец очень просит. Парень вышел под тележку, а теперь получается, что сам и виноват.

Такси свернуло к реке. За низкими домами показались ржавые фермы старого железнодорожного моста.

— «Вышел под тележку» — это чьи слова?

— В объяснительной так. Не в его. Там предварительно собрали.

— Расследование закончено?

— Нет, комиссия работает. Случай тяжёлый. Но разговор уже пошёл, что сигнал был, значит, не смотрел.

— Сам Денис хочет со мной говорить?

На другом конце ненадолго замолчали.

— Отец сказал, что хочет.

— Мне нужно согласие Дениса.

— Я понял. Сейчас позвоню ему. Он после операции, долго не может. Голень… В общем, сильно.

— Лечащий врач разрешает беседу?

— Узнаем.

Она попросила прислать название отделения, контакт представителя работников и ничего больше: ни фотографий ноги, ни снимков карты через чужой телефон.

Водитель взглянул на неё в зеркало.

— В областную?

— Пока домой. Я скажу, если маршрут изменится.

Она набрала Павла. Он ответил не сразу, и первые секунды слышалось, как он пытается закрыть что-то металлическое.

— Это не авария, — сказал он. — Ящик с кабелями решил расшириться.

— Мне предлагают поговорить с пострадавшим. Колёсные мастерские. Наезд транспортной тележки с колёсной парой, третий день. Прооперирован. Производственную причину пока сводят к его действиям.

— Что от нас хотят?

— Пока сами не разделяют. Отец хочет врача. Работники — независимую оценку.

— Рудогорские осмотры в среду остаются.

— Остаются.

— И пакет для внешней проверки нужно отправить до пятницы. Я могу приехать завтра на осмотр площадки, если будет оформленный доступ. Но новое исследование надо считать отдельно. Деньги за обслуживание фургона уже ушли, платёж по нему — в понедельник.

За шесть недель они научились произносить такие вещи до того, как давали обещание.

— Сегодня только беседа, если сам согласится, — сказала Инга. — Не берём дело по телефонному описанию.

— Если вопрос в шуме, заранее предупреждаю: нашу область аккредитации одним желанием не расширить. Надо смотреть, какие именно работы понадобятся.

— Посмотрим. Не в смысле «сделаем бесплатно, а потом найдём, чем заплатить».

— Спасибо за перевод.

Пришло сообщение: Денис согласен на короткую встречу, отделение предупреждено. Следом — его собственное: «Можно сегодня. Только не для телевидения».

Инга перечитала последнюю строчку.

— Всё-таки в больницу, — сказала она водителю.

Мать взяла трубку сразу.

— Что забыла?

— Ничего. Я задержусь. На час, может, полтора.

Пакет больше не шуршал.

— Ужин отменяется?

— Нет. Пожалуйста, не жди с едой.

— Я и не буду. Твоё разогрею.

***

В травматологическом отделении пахло влажным бельём и едой, которую уже унесли, оставив на посту пустую тележку. Инга сняла плащ, убрала его в сумку и представилась дежурной медсестре. Через несколько минут вышел лечащий травматолог.

Он говорил негромко, просматривая её документы.

— Перевязка закончилась полчаса назад. Устал. Обезболивание получил, сейчас в контакте. Десять-пятнадцать минут, если сам захочет. Начнёт утомляться — прекращайте.

— Мне не нужен осмотр раны. Только предварительный разговор и согласие на дальнейшую консультацию.

— Это хорошо. Сегодня ему и без вас хватило осмотров.

Травматолог вернул удостоверение.

— Перелом тяжёлый, мягкие ткани повреждены значительно. Окончательный объём восстановления сейчас никто не скажет. Отец спрашивает, когда он снова пойдёт в цех, потом просит написать, что никогда. По очереди.

— Я не буду обсуждать с ним сроки вместо вас.

У двери палаты Инга задержалась, давая глазам привыкнуть к полумраку. Штору закрыли от низкого солнца. На дальней кровати спал пожилой мужчина, повернувшись к стене. Ближнюю занимал Денис.

Над одеялом виднелась металлическая конструкция наружной фиксации. Повязки скрывали почти всю голень, стопа лежала так, как её уложили после перевязки, и Денис старался не двигать даже бедром. Он потянулся к телефону на тумбочке, но остановился, не дотянувшись нескольких сантиметров.

Мужчина у кровати сразу подвинул телефон. Проверил, не попал ли провод зарядки под локоть, повернул крышку бутылки, оставив её неплотно завинченной.

— Вот. Только не опрокинь.

У него были короткие седые волосы, широкое лицо и щетина, пропущенная бритвой под подбородком. На коленях лежала кепка, которую он всё время расправлял.

— Инга Николаевна, — сказала Инга. — Денис, вы мне написали?

— Да.

— Я врач-профпатолог из «Рабочей среды». С лечащим врачом договорились на короткую беседу. Если захотите закончить раньше, скажите.

— Он после перевязки, — сообщил мужчина.

— Мне сказали.

— Лев Круглов. Отец. Наладчик там же. Пятьдесят девять лет, тридцать шесть на производстве. Так что я понимаю, о чём говорю.

Инга придвинула свободный стул, но не села, пока Денис не кивнул.

Ему было двадцать семь. Эта цифра стояла в утреннем сообщении, а сейчас казалась неточной: после бессонных ночей он выглядел старше, но отросшие волосы над ушами и тонкий след от подушки на щеке делали лицо почти подростковым. Он следил за Ингой спокойно, только пальцы время от времени сжимали край простыни.

— Боль сейчас терпимая?

— Пока да.

— Если усилится, зовём сестру.

— Он терпит, — сказал Лев. — Ещё до скорой терпел. Я ему говорю: ты хоть скажи нормально, где…

— Сейчас я Дениса спрашиваю.

Лев замолчал, потом встал, будто ему потребовалось поправить бутылку ещё раз.

— Вы меня правильно поймите. Мне не надо никого сажать. Мне надо, чтобы он туда больше не ходил. Вы можете написать, что ему нельзя?

— Куда именно?

— В цех. К движущемуся. К колёсам этим. Работу найдём. Он с руками, не пропадёт.

Денис посмотрел на потолок.

— С ногой только пока сложно.

— Не начинай.

— Я не начинаю.

Лев провёл ладонью по кепке.

— Сейчас он обидится. А потом поймёт. Врача послушает, меня уже нет.

— На данный момент он лечится в больнице, — сказала Инга. — Вопрос о возвращении к работе сегодня не решается.

— Вот и надо сейчас решить. Пока опять не полез.

Она села. У Льва в кармане завибрировал телефон, он нажал кнопку через ткань, не вынимая.

— Денис, вы хотите сначала рассказать сами?

— А что рассказывать? Тележка пришла.

— Откуда?

Он повернул голову к окну, словно там можно было найти знакомую сторону цеха.

— По главному пути. Сначала я её не видел. Потом уже в просвете.

— Он там шёл поперёк, — вмешался Лев. — У наладочного. Между постом и…

— Я стоял.

Лев посмотрел на сына.

— Ты же потом шагнул.

— Но я не шёл поперёк. Я стоял у поста.

Слова прозвучали резко. Пожилой сосед пошевелился под одеялом. Денис снизил голос:

— Не надо за меня.

Лев сел. Бутылка осталась у него в руке.

Инга не стала спрашивать о шаге сразу. Она ещё не знала расположения путей, не видела тележки, не могла отличить одно движение от другого. В чужом рассказе слишком легко было соединить два соседних слова и получить готовую причину.

— Перед тем как увидели тележку, предупреждение было?

— Было.

— Вы его слышали?

— Слышал.

Лев медленно поставил воду на тумбочку.

— Где для вас был звук? — спросила Инга.

— Позади.

— Вы сейчас говорите о том, где был сигнал, или где его устройство стояло?

Денис нахмурился.

— Устройство на тележке. А слышно было сзади. Я поэтому и…

Он остановился. Сжал простыню, отпустил.

— Боль? — спросила Инга.

— Нет. Просто все спрашивают: слышал? Я говорю — слышал. Они дальше уже не спрашивают.

Лев поднялся и потянулся к стакану с трубочкой.

— Давай попей.

— Пап, я могу сам.

Стакан оказался в пределах досягаемости, но отец ещё держал его за край. Денис положил руку рядом и ждал. Лев отпустил.

***

Инга попросила поговорить с Денисом без родственников. Лев сперва посмотрел на неё, потом на сына.

— Мне выйти?

— Минут на десять, — сказал Денис.

— Я тут буду.

Уходя, Лев забрал пустой пакет, затем вернулся за кепкой. Дверь прикрыл осторожно, придерживая язычок замка.

Денис пил мелкими глотками. На нижней губе была трещина.

— Он с ночи здесь, — сказал он. — Домой отправляли, опять пришёл.

— Вы хотите, чтобы я участвовала?

— А что вы можете?

Вопрос прозвучал без вызова. Инга положила блокнот на колени, не открывая.

— Травму лечат здесь. Я не буду менять назначения травматолога. Могу разобраться в медицинских обстоятельствах, которые имеют отношение к работе: что было до наезда, какие жалобы появились после. Если будет соглашение с мастерскими и представителями работников, наш центр сможет участвовать в независимой оценке условий.

— То есть написать, кто виноват?

— Нет. Несчастный случай расследует комиссия. Мы можем дать ей сведения и заключение по своей части. А решать, к какой работе вас можно допускать после лечения, будут уполномоченные врачи. Не я одна и не ваш отец.

— Уже хорошо.

Он посмотрел на дверь.

— И не начальник цеха?

— Начальник может предоставить сведения о работе. Медицинское заключение вместо врачей он не выдаёт.

Денис потёр ладонью висок.

— У меня сейчас пищит. В ушах. Может, они и правы.

— Когда началось?

— После. В приёмном ещё не помню. Ночью уже было. Здесь как тихо станет — слышно.

— До происшествия замечали такое?

— Такого не было. После смены бывало, гудело всё. Но чтобы лежать и пищало — нет.

Инга записала его слова, разделив прежнее ощущение после смены и новую жалобу.

— Об этом лечащему врачу говорили?

— Сестре сказал.

— С вашего разрешения сообщу врачу. Пусть оценит, что нужно сейчас. По одному этому симптому нельзя сказать ни почему он возник, ни что было со слухом до травмы.

За дверью загремело колесо больничной тележки. Денис резко поднял голову. Движение отдалось в ноге; лицо изменилось прежде, чем он успел выдохнуть.

Инга не тронула его.

— Позвать сестру?

Он подождал несколько секунд.

— Сейчас пройдёт.

Она встала и всё же позвала медсестру с поста. Та проверила положение ноги, спросила о боли и велела не пытаться садиться рывком.

— Я не пытался.

— Знаю. Но тело-то не знает, что ты не пытался.

Она поправила опору, дождалась, пока Денис перестанет задерживать дыхание, и посмотрела на Ингу.

— Ещё немного — и отдыхать.

Когда сестра вышла, Денис сказал:

— Они по коридору возят, а я каждый раз как дурак.

— После наезда стало?

— Да.

— Скажите об этом врачу тоже. И не ругайте себя за то, что вздрагиваете.

— Вы только не напишите, что я всегда такой был.

— Не напишу.

Инга открыла чистую страницу.

— Можно я запишу, как вы сами помните предупреждение? Без догадок о том, чего не видели. Потом прочитаю вам.

— Можно.

Она не включала диктофон. Денис говорил коротко, делая паузы, и она успевала записывать почти дословно.

Он стоял у наладочного поста, который назвал южным. Сигнал услышал за спиной. Тележку до её появления в просвете не видел. Где именно стояли другие люди, уверенно сказать не мог. На вопрос, к чему относилось «позади», приподнял руку и указал через плечо, затем опустил её.

— Я потом на схеме покажу. Сейчас нарисую, вы ничего не поймёте.

— Потом. Сегодня не нужно.

— Там всё просто, когда стоишь.

Инга отметила, что положение тела и направления предстоит уточнить на плане. Не заменила «позади» названием стороны света: одно ещё не означало другого.

— Зачем вы были у наладочного поста?

Денис взял телефон, разблокировал, тут же погасил экран.

— Помогал по работе.

— Это было ваше задание?

— Там надо было закончить.

Он смотрел на телефон, хотя ничего на нём больше не появлялось.

Инга уже собиралась спросить, кому именно он помогал. Вопрос был естественный, следующий по порядку. Но Денис провёл ладонью по лицу, и она увидела, как сильно он устал: веки покраснели, верхняя губа покрылась потом. Он соглашался на беседу, а не на то, чтобы выдержать все вопросы, пока у врача сохраняется любопытство.

— К этому вернёмся отдельно.

Он положил телефон экраном вниз.

Она прочла запись. Денис поправил только одно:

— Не «сзади подала». Я не знаю, где она подала. Слышно было сзади.

Инга зачеркнула свою неточную связку одной чертой и вписала его слова. Дала прочитать.

— Так?

— Так.

— Эту фактическую часть можно передать комиссии? После того как получите копию?

— Да. Только не всё, что мы тут говорили.

— Медицинские сведения оформим отдельно. Передача рассказа не означает, что вы разрешили кому угодно читать вашу карту.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— И фотографировать меня не надо.

— Не будем.

— Мне утром звонили. Сказали, могут помочь, если я расскажу. Не из газеты даже, какой-то канал. Я не хочу лежать у них в телефонах.

— Публикация не является условием нашей помощи.

— Тогда давайте.

Инга достала из папки формы. Денис увидел количество листов и устало усмехнулся.

— Я думал, просто «согласен».

— Можно и просто не согласиться. А здесь мы пишем, на что именно.

Она оставила на тумбочке только те страницы, которые были нужны сейчас, и подложила жёсткую папку. Он прочёл их медленно, останавливаясь на названиях получателей. Разреше-

ние на необходимые медицинские запросы не включало работодателя; согласованная запись рассказа предназначалась комиссии. Для публичного использования он согласия не давал.

Ручку Денис держал непривычно близко к кончику. Подпись вышла меньше, чем он, вероятно, собирался.

— Копии мне оставите?

— Конечно.

***

Лев ждал у окна в конце коридора. Внизу с разгрузочной площадки убирали грязные поддоны. Он следил за этим с таким вниманием, будто от правильной укладки зависело, сколько времени ещё придётся провести в больнице.

Увидев Ингу, он пошёл навстречу.

— Ну?

— На сегодня закончили. Ему нужно отдохнуть.

— Я не об этом.

Инга остановилась там, где не было людей. Лев понизил голос:

— Вы просто напишите, что нельзя. Без этих ваших окончательных. Временно. На год хотя бы. За год другое найдём.

— Временно работать он и так не будет из-за травмы. Дальнейшие ограничения зависят от восстановления и обследования.

— А вы ждать хотите, пока восстановится и снова туда пойдёт?

Он не сердился в обычном смысле. Не наступал на неё, не размахивал руками. Стоял с пустым пакетом, который забрал из палаты, и никак не мог сложить его ровно.

— Я тридцать шесть лет железки слушаю, — сказал он. — Знаю, где что идёт. Всё равно не успел. А он молодой. У них всё потом. Потом уйду, потом другую работу найду. У меня он один. Вы понимаете?

— Понимаю, чего вы боитесь.

— Нет. Вы понимаете, что я боюсь. А чего — это другое.

Инга промолчала.

Из палаты напротив вышла женщина в халате, волоча за собой стойку капельницы. Они отступили к подоконнику, пропуская её. Лев придержал колесо стойки на пороге и только потом продолжил:

— Он меня сейчас пошлёт, если я ещё раз скажу про увольнение. И правильно сделает, я ему уже всё сказал. Но вам поверит. Неужели вам трудно?

— Трудно будет ему, если я дам заключение, для которого нет оснований. Оно пойдёт дальше вашего разговора. И я не могу сказать здоровому человеку, что он болен, чтобы он принял нужное нам решение.

— Какому здоровому?

Лев кивнул в сторону палаты.

Инга поняла, что выбрала не те слова.

— Вы правы. Сейчас он тяжело травмирован. Я говорю о заболевании, которое могло бы запретить работу независимо от этой травмы. Я не знаю, есть ли оно. И не буду его придумывать.

— А там всё равно напишут, что сам полез.

— Предварительное объяснение — ещё не акт расследования. Его слова тоже должны быть услышаны.

— Его слова… Он вам сказал, что слышал? Так это против него и запишут.

— Я записала и то, откуда он слышал.

Лев перестал складывать пакет.

— Вам бы там постоять.

— Для этого и нужен осмотр рабочего места.

Он отвернулся к окну.

— Ладно. Значит, и вы не можете.

Она могла бы начать объяснять, что именно может, но услышала в этом желании не пользу, а потребность выйти из разговора не виноватой. Лев не обязан был благодарить её за правильный отказ.

— На посту просили, чтобы он сейчас поспал, — сказала она. — Вы тоже можете поехать домой на несколько часов.

— Я сам решу.

— Да.

Инга вернулась в палату лишь для того, чтобы оставить копии и уточнить последнее.

— Денис, отец спрашивает о вашем будущем. Какие сведения по моей консультации ему можно сообщать?

Он посмотрел на бумаги у себя на коленях.

— Что будем разбираться — можно. Что сегодня говорили… Я сам.

— Результаты обследований?

— Сначала мне. Потом скажу.

Она внесла это в отдельную запись, дала ему прочесть. Денис подписал и протянул ручку обратно.

— Он не плохой.

— Я так не думаю.

— Просто он теперь всё время здесь. Даже когда домой уходит.

Инга закрыла папку.

— Вам сейчас нужно отдыхать. В следующий раз договоримся заранее.

Лев вернулся, когда она уже стояла у двери. Молча поставил на тумбочку вымытую ложку, убрал бумаги подальше от воды и сел на прежнее место. Денис не отодвинул отцовскую руку, поправлявшую край одеяла.

***

Дома Инга долго не могла попасть ключом в замок: новая накладка сдвинулась, и привычное движение больше не подходило. Мать открыла изнутри.

— Дёргать не надо. На себя прижми.

— Помню.

— Раз помнишь, зачем дёргаешь?

В прихожей пахло тушёной капустой и влажной обувью. На табурете лежало старое полотенце для колёс чемодана. Инга поставила сумки, вымыла руки и только у раковины заметила, что всё ещё носит на запястье больничный бумажный пропуск.

Ирина Петровна уже включила маленькую конфорку.

— Садись. Разогретое вкуснее.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что ты всегда позже.

На столе были две тарелки, хотя мать наверняка поела. Инга сняла часы, положила рядом с телефоном. Тот сразу засветился: Павел спрашивал, состоялась ли встреча.

Она ответила: «Да. Согласие есть. Предварительно. Завтра нужен доступ на площадку через комиссию и работодателя. Медицинских выводов пока нет».

Павел прислал: «Утром созвонимся. Смету не обещал».

Инга перевернула телефон.

Ирина поставила перед ней сковородку на деревянной подставке. Села напротив и взяла хлеб.

— Ты сама-то обедала?

— В поезде.

— Чаем?

— Едой.

— Хорошо.

Она не спросила, кто лежит в больнице и что с ним случилось. За годы Ингиной работы мать усвоила это не как правило, а как домашний порядок: чужая карта не попадала на стол вместе с ужином.

— Могла предупредить раньше, — сказала она после паузы.

— Я предупредила, как узнала.

— Не про больницу. Про приезд. Я бы завтра с утра никуда не записывалась.

— Куда?

— По своим делам.

Инга уже набрала воздух, чтобы предложить отвезти, выяснить время и переставить собственные встречи. Ирина заметила.

— Не надо сейчас всё переделывать.

— Я просто спросила.

— Пока.

Они поели молча. За стеной сосед включил воду, трубы несколько раз коротко ударили. Здесь это случалось каждый вечер с тех пор, как он заменил смеситель.

— Сегодня отец взрослого человека хотел, чтобы я решила за сына, — сказала Инга. — Из страха. Очень понятного.

— А сын чего хотел?

— Чтобы сначала спросили его.

Мать собрала хлебные крошки пальцами на край тарелки.

— Взрослые дети не обязаны слушаться. Даже если им это полезно.

— Я от тебя не требую слушаться.

Сказала слишком быстро. Ирина подняла глаза.

Инга взяла стакан, но пить не стала.

— Это я сейчас не про себя, — добавила она и сама услышала, как мало это меняет.

— Я тоже не обязательно про тебя.

Мать встала убирать со стола. Инга потянулась за сковородкой; Ирина отдала её без спора.

Они вымыли посуду вдвоём. Потом мать показала, где лежит чистое бельё, хотя Инга знала, и пошла смотреть прогноз погоды. О гараже ни одна не заговорила. Вещи отца оставались там, где были все эти шесть недель; сегодня никто не должен был доставать их только потому, что дочь наконец приехала.

В своей комнате Инга поставила ноутбук на маленький стол. Под стеклом сохранилось расписание электричек, которому давно нельзя было доверять. Она убрала его, освободив место для блокнота.

Рабочая запись Дениса осталась в папке вместе с согласиями. Инга не переписывала её начисто: зачёркнутая неточность и исправление были частью сегодняшнего разговора. В отдельном листе для дальнейшей работы она записала:

«Почему находился у наладочного поста?»

Ниже:

«Почему услышанное предупреждение не помогло избежать наезда?»

Ответ на первый вопрос мог оказаться простым. Это ещё ничего не говорило о втором.

Она сверила короткую цитату с исходной записью: «Не знаю, где она подала. Слышно было сзади».

За окном прошла вечерняя электричка. Инга подняла голову, различая сквозь дома привычный звук колёс, потом поставила дату рядом со словами Дениса и закрыла блокнот.

Глава 2. Южный пролёт

У проходной Павел вытряхивал из чехла мелкий дорожный мусор. На лавку выпали кабель, колпачок от разъёма и сухая берёзовая почка.

— Приборы доехали? — спросила Инга.

— Приборы — да. Я ещё уточняю.

Он приехал на фургоне к восьми. Инга увидела на пассажирском сиденье пустой стакан из-под кофе и свёрнутую куртку, но спрашивать, сколько он спал, не стала. До выезда Павел успел передать коллеге рудогорский пакет для сверки; сегодняшнего осмотра в их плане неделю назад не существовало.

Мастерские стояли на отдельной площадке за железнодорожной веткой. От старого комбината теплоизоляционных материалов их отделяли река, склады и несколько километров города. Здесь не было знакомых Инге труб и переходов. Низкий административный корпус примыкал к длинному цеху с воротами в торце; у стены сохли вымытые резиновые коврики.

В кабинете охраны труда им выдали каски, сигнальные жилеты и защиту слуха. Инга подписала лист инструктажа, проверила, не прижимают ли дужки очков уплотнители наушников.

Инспектор, возглавлявший комиссию по расследованию, пришёл с тонкой папкой.

— Сегодня предварительный осмотр, — сказал он. — Участие согласовано. Без испытаний, без управления установкой, без перемещения предметов в зоне происшествия. Всё, что понадобится дополнительно, — через комиссию.

— Согласны, — ответила Инга.

— Медицинскую часть мне сейчас не надо.

— Я её и не принесла.

Инспектор посмотрел на неё внимательнее и кивнул.

Сопровождать их поручили заместителю начальника цеха. Тот держал свёрнутый план, постоянно перекладывая его из одной руки в другую. Ещё у двери он сообщил, что транспортная установка после происшествия не используется, а на время осмотра остановлены и соседние операции. За ограждение разрешалось заходить только с сопровождающим.

В цехе пахло эмульсией, нагретой резиной и железной стружкой. Далеко за колоннами работал станок; здесь, у пустого пути, каждый шаг отзывался в подошвах отдельным коротким ударом. Колёсная пара на неподвижной тележке казалась тяжелее, чем могла выглядеть в движении. Блестящие поверхности катания были повёрнуты к проходу, ось лежала поперёк низкой рамы.

Заместитель развернул план на подоконнике.

— Восток здесь. Тележка шла к приёмному месту, на запад.

Он провёл пальцем справа налево.

Главный путь пересекал цех вдоль. Южнее находился наладочный пост: шкаф, небольшой стол с металлической столешницей, подставка под инструмент. Между частью рабочих мест и путём тянулся высокий новый экран. Его светлые панели ещё не успели покрыться той серой плёнкой, которая лежала на колоннах и трубах. У наладочного поста экран заканчивался, оставляя выход к пересечению.

Дальше к югу был закрытый пролёт. Старые проёмы зашили гладкими стальными листами; в них дробно отражались светильники. Внизу на одной панели темнели следы от колёс уборочной тележки. У стыка листов стояла щётка.

— Там что?

— Сейчас ничего. Резервная площадь. От действующей части отделили, чтобы пыль не тянуло. Прохода нет, вход снаружи заперт.

Инга посмотрела на план, затем на листы. Южный пролёт оказался не узкой нишей, как она представляла по вчерашнему рассказу, а отдельным объёмом за длинной металлической стеной.

— Экран когда поставили? — спросил Павел.

— При перестройке. Условия улучшили. У наладчиков раньше весь транспорт перед лицом, шум, движение.

— Шум после установки измеряли?

— Измеряли. Стало меньше.

— Хорошо. Покажите потом границы переделки. Не только экран.

Заместитель будто ожидал возражения и теперь не сразу понял, что ему ответили.

— Есть проект.

— И то, что фактически сделали. Исполнительные схемы, фотографии монтажа. Размеры потом сверим на месте.

Павел снял общий вид с номером колонны в кадре. Инга осталась на пешеходной стороне и прошла вдоль экрана к наладочному посту. Восточная часть пути исчезла почти сразу. Она видела верх колонны, светильник, кусок балки — всё, кроме низкой транспортной полосы. Чтобы увидеть тележку, пришлось бы приблизиться к концу экрана.

— Отсюда её не видно, — сказала она.

— Пока не подойдёт к просвету, — подтвердил сопровождающий. — Поэтому сигнал и подают.

Инга отступила на полшага. Под ногой прошёл край жёлтой полосы. За ним начинался участок пола другого назначения, но ни порога, ни стойки, ни ограждения здесь не было. Шаг требовал ровно столько же усилия в любую сторону.

— Денис стоял тут? — спросил заместитель.

— Он говорил о наладочном посте. Точку ещё уточним с ним по схеме.

— На камере видно, откуда вышел.

— Выход видно. Всё место до выхода — нет.

Инга присела, не касаясь пола. На жёлтой краске лежала тонкая полоса чёрной резиновой пыли. Чуть дальше краску затёрли до бетона. Она попросила Павла снять общий вид пересечения так, чтобы были видны и экран, и границы прохода.

— Только не подпиши, что я проверяла видимость из положения Дениса.

— Подпишу, что ты проверяла из своего, — ответил он.

***

Олег Вершинин ждал в комнате мастеров, не сняв рабочей куртки. На столе перед ним лежал пропуск лицевой стороной вниз. Он перевернул его, когда Инга вошла, потом снова спрятал фотографию.

Ему было сорок пять; в первом объяснении, которое комиссия дала им для ознакомления, возраст стоял рядом с должностью. На снимке в пропуске он выглядел моложе — не столько лицом, сколько тем, как держал голову.

Инга положила перед ним чистый лист с контуром цеха. Отметок Дениса на нём не было.

— Мы хотим уточнить, что вы видели и слышали. Если чего-то не помните, так и оставим.

— Я уже написал.

— Написанное сохранится. Это будет дополнение, не замена.

— А потом скажут, что показания меняю.

Инспектор, сидевший у края стола, подвинул к нему копию первого объяснения.

— Время сегодняшней беседы укажем отдельно. Расхождения, если будут, тоже.

Вершинин долго разглаживал лист ладонью.

— Сигнал я дал. Это я помню.

— Откуда управляли?

— С местного пульта. Давайте покажу. На бумаге тут всё просторное.

Они вернулись в остановленную зону. Вершинин прошёл к пульту с северной стороны пути, но остановился, не дойдя до него. Между его местом и южным постом оставался косой просвет у конца экрана. Восточный подход тележки с позиции машиниста просматривался; часть пространства за экраном — нет.

— Вот отсюда. Она идёт с востока. Я смотрю на путь, на приёмное место. Сигнал подал перед движением. Потом уже… — Он провёл ладонью над ограждением, не касаясь пульта. — Денис появился. И крик.

— В каком порядке вы это помните?

Вершинин нахмурился.

— Не знаю. Не буду придумывать. Человек в просвете, крик. Я торможу. Может, крик раньше. Может, вместе.

— Какие слова?

— «Стой». Или «Стой, стой». Женский голос.

— Откуда?

Он сразу показал на металлическую стену южного пролёта.

Инга не посмотрела на Павла.

— На схеме отметите направление?

— Тут же.

— Отметьте, как услышали.

Вершинин взял карандаш. Линия получилась слишком длинной, пересекла контур наладочного поста и упёрлась в зашитый пролёт. Он обвёл наконечник.

— Татьяна кричала, это потом сказали. Я её там не видел.

— «Там» — где?

— С той стороны, откуда голос был.

— Вы знали, где она находилась?

— Нет. У неё контроль на западе. Но по цеху все ходят.

Инга попросила его вернуться к последовательности действий.

— Когда вы начали торможение, что было видно?

— Круглова. Я же говорю — в просвете.

— До этого его видели?

— Нет.

— Что именно вы сделали на пульте?

Вершинин резко повернулся к ней.

— Затормозил. Что ещё я мог сделать? Рукой остановить эту дуру?

Слово отдалось в пустой части цеха. Он посмотрел на колёсную пару, потом опустил глаза.

Инга выдержала паузу.

— Мне нужно отделить действие от результата. Вы нажали останов, отпустили орган управления, сделали что-то ещё?

Он назвал последовательность, уже тише. Павел записал её без замечаний.

— А сколько прошло — не спрашивайте, — добавил Вершинин. — Я не знаю. Теперь кажется, что долго. Тогда не было долго.

— Секунды будем устанавливать по записям, если получится.

— Записи всё видят.

— Эта камера не видит за экраном.

Он впервые поднял на Ингу глаза без вызова.

Обратно в комнату мастеров Вершинин шёл медленно, хотя заметной хромоты у него не было. У двери задержался, пропуская остальных, и сказал уже без инспектора, ушедшего к телефону:

— Вчера попросили просто к пульту подойти. Ничего не запускать. Я ладонь положить не смог.

Инга остановилась рядом.

— Что почувствовали?

— Как будто сейчас опять поедет. Хотя всё выключено. Глупость.

— Сегодня тоже не надо было касаться. Мы этого не просили.

— Знаю.

— Вы спите?

Он пожал плечами.

— Когда как.

— Если захотите, поговорим отдельно. Не для объяснительной.

Вершинин посмотрел вслед инспектору.

— А в дело это?

— Личные жалобы не становятся производственным документом только потому, что вы сказали о них здесь. Но я не буду обещать вам допуск к управлению без необходимой оценки состояния.

— Пока я сам не рвусь.

В комнате он проверил запись. Слово «справа» зачеркнул: с его места южная сторона не была просто справа, так можно было понять неверно. Оставил «со стороны закрытого южного пролёта» и поставил подпись у исправления.

Только после этого Инга раскрыла первое объяснение полностью. В нём уже стояло: «Услышал женский крик с южной стороны». Дата — день происшествия.

Она сверила обе строки. Направление появилось до их вопросов и до нынешнего обхода.

***

Татьяну Рябинину позвали, когда Вершинин ушёл. Сорокатрёхлетняя контролёр вошла с футляром измерительного инструмента, который не захотела оставлять на рабочем месте.

— У нас если казённое пропало, то оно твоё, — объяснила она, поставив футляр у ноги.

Инга представилась, спросила, готова ли Татьяна уточнить своё объяснение. Та села, но каску не сняла.

— Только без «почему не предупредили». Я предупредила.

— Покажите, где вы были.

Татьяна придвинула чистую схему.

— Вот стол контроля. Западная сторона. Здесь я приняла деталь, потом отошла к стойке. Отсюда видно конец экрана.

— Вы оставались возле стойки?

— Когда закричала — да.

— Что увидели?

— Денис появился у пути. Тележка шла. Я крикнула Олегу.

— Какие слова?

— «Стой!» Дальше не помню. Может, ещё ругалась.

— Лицом куда стояли?

Татьяна сдвинула каску на затылок.

— К ним.

— К Денису или к пульту?

— Сперва к Денису. Потом к Олегу. Я головой повернула. Ногами, кажется, нет.

Они вышли к западному месту контроля. Инга попросила её не изображать всё событие, а только указать стойку и направление взгляда. Татьяна поставила носок ботинка у основания колонны.

— Здесь. Не за столом. Если бы за столом, я бы позже увидела.

Из этой точки открывался край пересечения. Сам наладочный пост заслоняли экран и оборудование.

— Дениса до выхода вы видели?

— Нет.

— Значит, исходное место по вашему наблюдению не устанавливаем.

— Он от поста вышел.

— Возможно. Но вы видели уже появление.

Татьяна недовольно поджала губы, затем кивнула.

— Уже появление.

— Кто-нибудь ещё кричал?

— Не слышала. Потом много кто. Когда остановилось.

— Вершинин мог вас не услышать?

— Меня? — Она даже усмехнулась. — Меня в раздевалке слышно, если надо.

Инга дождалась, пока замолчит станок на соседнем участке. Хотя он был далеко, разговор всё время приходилось подстраивать под его работу.

— Я спрашиваю не о силе голоса.

— А о чём?

— О том, на кого вы смотрели, где находились и что могли видеть. Громко крикнуть и убедиться, что вас поняли, — не одно действие.

— Когда человек под колёса идёт, некогда убеждаться.

— Да. Сейчас речь о том, что удалось сделать вам. Не о том, что вы должны были успеть сверх этого.

Татьяна отвела взгляд к неподвижной тележке.

— Я потом всё думала: надо было не Олегу, а Денису. По имени. Он бы повернулся.

— Мы пока не знаем, что бы изменилось.

— А думать всё равно будешь.

Инга не стала спорить. Татьяна ещё раз указала место, с которого кричала, и позволила сфотографировать себя рядом со стойкой для привязки. Кричать повторно её никто не просил.

В комнате комиссии уже ждал сотрудник, обслуживавший видеосистему. На столе стоял компьютер, рядом лежали два накопителя в новых упаковках.

— Я вам ролик на телефон могу скинуть, — сказал он. — Там меньше минуты.

Павел покачал головой.

— Нужен не ролик. Нужна выгрузка без обрезки и перекодирования. С запасом до и после. И служебные сведения о камере.

— Файл большой будет.

— Место есть.

Инспектор уточнил, остановлена ли автоматическая перезапись нужного архива. Сотрудник показал настройки и запись о сохранении. Выгрузку делали в родном формате системы, с программой просмотра; отдельно сохраняли сведения о времени и параметрах записи. Номер камеры, границы интервала, имена файлов и держателя копии внесли в акт.

Павел вычислил контрольные суммы, дождался второй копии и сравнил строки на экране.

— Теперь если файл случайно изменится, увидим, — сказал он.

— Случайно, — повторила Татьяна.

— И неслучайно тоже. Но причину изменения эта строка не расскажет.

Оригинальный архив оставался под сохранением у предприятия в порядке, зафиксированном комиссией. Одну контрольную выгрузку приняли для материалов расследования; рабочую копию выдали для предварительного просмотра с отметкой о передаче.

Инга села сбоку от монитора. Татьяна осталась у двери.

Камера смотрела сверху, наискось. Цех на экране был плоским и слишком светлым. Жёлтая полоса походила на надёжную границу. Тележка появилась справа — с востока, согласно их схеме. Несколько секунд перед ней лежал пустой видимый путь.

Потом в просвете у края экрана возник человек.

Инга узнала Дениса не по лицу: лица не было видно. По куртке, которую Лев вчера описывал в больнице, по общей фигуре — и сразу заставила себя оставить узнавание в стороне. В кадре был человек, принадлежность которого ещё следовало связывать с другими материалами, а не с её уверенностью.

Павел остановил воспроизведение до контакта.

— Дальше сейчас нужно? — спросил он у инспектора.

— Для первичного осмотра достаточно.

Татьяна отошла от двери к окну.

— Вот же. Не через весь цех он шёл.

— На записи он появляется поздно, — сказала Инга. — Что делал до появления, камера не показывает.

— Но можно понять.

— Можно предположить. Запишем отдельно.

Сотрудник видеосистемы вывел сведения о файле. Пригодной звуковой дорожки у этой камеры не было. Ни предупреждение, ни слова Татьяны по записи проверить было нельзя.

— А если усилить? — спросила она.

— Нечего усиливать, — ответил Павел. — Здесь нет записи речи.

Он не запустил фрагмент снова. Отметил, что числовое время на изображении пока нельзя без проверки совмещать с другими источниками, сохранил положение нужных кадров.

Инга попросила первое объяснение Татьяны. В нём было указано западное место контроля и крик машинисту. Южного пролёта в её рассказе не было.

— Вы с Вершининым после происшествия обсуждали, кто где стоял? — спросила Инга.

— После — да. Все обсуждали. Но бумагу я писала раньше. Нас тогда по одному вызывали.

Инспектор подтвердил порядок получения объяснений. Позднейшие разговоры не делали ранние записи ненужными; теперь у каждой версии было своё время.

Татьяна забрала футляр с инструментом.

— Только не пишите, что я не докричалась. Я не знаю, докричалась или нет.

— Именно так и оставим, — сказала Инга.

***

Короткое совещание собирали в той же комнате. Столов не хватало: сменный мастер стоял у подоконника, представитель работников сел на край тумбы. Заместитель начальника цеха принёс лист с потерянными за три дня перевозками.

— Сейчас на осмотр остановили весь этот участок. Но дальше нам надо решать. Ленту оставляем, мастер контролирует переход, машинист перед каждым движением подаёт дополнительный сигнал.

Он положил расчёт перед инспектором.

— Если всё вести в обход, приёмка встанет.

— Лента кому мешает войти? — спросил Павел.

— Она обозначает.

— Обозначение на полу уже было. Из точки у поста восточный подход не просматривается. С позиции машиниста часть пространства за экраном тоже закрыта.

— Вы уже установили причину?

— Нет. Мы описываем то, что увидели сегодня.

Инга подвинула к заместителю фотографию: конец экрана, проход, линия на бетоне.

— Нам не нужен готовый вывод о причине травмы, чтобы сообщить об этом сочетании. Человек может попасть в транспортную полосу из места, которого машинист заранее не видит. Физического разделения нет.

— То есть вы останавливаете?

— Мы не имеем такого полномочия. Передаём наблюдения комиссии и работодателю. Решение о безопасном режиме оформляете вы.

Инспектор попросил включить замечания в запись совещания. Затем уточнил у заместителя, кто от работодателя вправе утвердить временную схему и когда её представят.

Тот вышел звонить.

В комнате стало слышно, как на соседнем участке ударили металлической деталью о стол. Мастер посмотрел на часы.

— Нам бы до пересменки. Люди придут, а задания нет.

— Через северную передачу можно, — сказал ремонтник, сидевший на тумбе.

— Там мерительный стол стоит.

— Стол не в проходе. Но накопитель надо разгрузить. И не гнать по одной: сначала освободить приёмное, потом передавать.

Мастер покачал головой.

— Две лишние операции.

— Знаю.

— И чужая бригада ждать будет.

— Пусть ждёт по времени, а не когда мы им колесо в проход выкатим. Сделай окна в задании.

Представитель работников развернул план. Северная передача существовала до перестройки и оставалась рабочей, но сейчас использовалась для другой последовательности операций. Мужчины спорили о месте накопления и о том, кто будет подтверждать готовность приёмного участка. Инга слушала, не вмешиваясь в названия приспособлений, которых ещё не знала.

Через несколько минут заместитель вернулся.

— Директор согласовала исключение пересечения. Письменное распоряжение готовят. Временную схему — после проверки начальником цеха и транспортной службой. До утверждения по ней ничего не везём.

— Срок «до окончания расследования»? — спросил инспектор.

— До отдельного разрешения после оценки и устранения риска. Так написали.

Из канцелярии принесли распоряжение. В нём указали конкретный участок пути и переход у южного наладочного поста. Остальные операции сохранялись там, где их можно было выполнять независимо от закрытой зоны. Ограждение требовалось жёсткое; движение по исключённому маршруту запрещалось, доступ для осмотра оставался отдельным.

Мастер прочёл лист стоя.

— Значит, вечерней дадим меньше.

— Дадим выполнимое, — сказал ремонтник.

— Ты это плановику скажи.

— Давай телефон.

Никто не засмеялся, но напряжение немного ослабло. Заместитель взял второй экземпляр и ушёл доводить распоряжение до смены.

Инга подписала только собственную запись осмотра. Рядом Павел перечислил снимки и ограничения: инструментального обмера не проводили, акустических испытаний не было, обзор оценён из обозначенных точек. Участок на проекте и участок перед глазами ещё предстояло свести в один проверенный план.

Когда они вышли в цех, рабочие уже несли переносные металлические секции. Один поставил секцию поперёк прохода, второй подал соединительную скобу. Лента провисла внутри нового ограждения и больше ничего не держала.

Павел задержался у сопровождающего, договариваясь о перечне документов. Инга вернулась к подоконнику, где утром лежал план.

На рабочей копии она поставила точку возле западной стойки: место, указанное Татьяной. От пульта провела стрелку к южной металлической стене: направление, названное Вершининым. Подписала источники и даты обоих объяснений.

Татьяна не находилась в закрытом пролёте. Вершинин уверенно слышал крик оттуда.

Инга посмотрела поверх бумаги. На гладких листах лежали длинные полосы света; возле щётки подсыхал след после уборки. Ни дверь, ни человек не могли сейчас объяснить нанесённую стрелку.

Она не зачеркнула её и не передвинула западную точку. Сложила схему так, чтобы обе отметки остались внутри, и убрала в папку.

Глава 3. Не тот диагноз

В ординаторской сохла кружка, перевёрнутая на сложенную салфетку. Рядом с ней лежал телефон в прозрачном пакете; врач доставал его, отвечал и снова убирал. За короткий разговор об участии Инги он сделал это трижды.

— После перевязки устал. Обезболили. Если начнёт засыпать, оставьте на завтра.

— Сколько у меня есть?

— Не больше пятнадцати минут. Но не обязательно все использовать.

Инга показала согласие Дениса и перечень запрошенных сведений. Лечащий врач пробежал глазами первый лист.

— Вы хотите исключить заболевание как причину?

— Выяснить, есть ли основания его предполагать. Это не одно и то же.

— Хорошо. Только ему уже обещали, что через три месяца будет бегать.

— Кто?

— Не мы.

Он придвинул к ней доступные выписки. Тяжёлое повреждение голени требовало дальнейшего лечения; наружная фиксация удерживала кость, но не отвечала на вопросы о заживлении мягких тканей, следующих вмешательствах и будущей нагрузке. Врач говорил об этом без мрачности, как о работе, которую нельзя выполнить вперёд.

— Жалобу на шум в ушах я видел. Записали. Сегодня выраженного головокружения нет. По осмотру срочных неврологических признаков тоже. Если что-то изменится, будем смотреть сразу, а не ждать ваших специалистов.

— Конечно.

Из прежней медицинской организации успели прислать только часть материалов. В копии заключения периодического осмотра стояло: противопоказания к выполняемой работе не выявлены. Инга отложила его и взяла лист с результатами обследования. Само слово «годен» не сообщало ни того, как проверяли слух, ни того, что происходило между осмотром и наездом.

На отдельной странице сохранилась таблица слуховых порогов. В доступной записи существенного снижения не отмечалось. Лист был датирован прошлым годом. Полного набора первичных материалов пока не было.

— Ещё запросила предыдущий осмотр и записи обращений, — сказала она. — По его согласию.

Врач кивнул на дверь:

— Он спрашивал, придёте ли вы. И не будете ли снова про ту секунду.

— Сегодня начну не с неё.

Денис лежал с закрытыми глазами. Телефон стоял у стакана, подпёртый пачкой бумажных платков. Из-за слабого движения кровати он сползал, и Денис ловил его двумя пальцами, не поднимая плеча.

Инга пододвинула стул.

— Можно сейчас поговорить или завтра?

— Сейчас. Только я медленный.

— Мне не нужна скорость.

Он открыл глаза и немного повернул голову. После вчерашней встречи лицо казалось суше, резче; на подушке остался тёмный след от влажных волос.

— Что вы уже узнали?

— Посмотрели участок. Сохраняют видео. Пересечение пока исключили из работы.

— Всё закрыли?

— Нет. Только этот маршрут. Другие операции продолжаются.

Денис посмотрел на телефон, словно там могло появиться возражение из цеха.

— А про меня?

— Получила часть старых медицинских сведений. Хочу уточнить, что было до травмы, а что появилось после. Если устанете, остановимся.

Она начала с работы. После училища — ремонтный участок, затем колёсные мастерские. Какие операции выполнял сам, где находился большую часть смены, как часто переходил с места на место. Денис отвечал негромко, иногда закрывая глаза, но в названиях работ не путался. На вопрос о шуме сказал: «По-разному». Инга не попросила заменить это одним числом.

— Бывали смены тише обычного?

— Когда на измерениях оставляли. Там тоже не библиотека, но голова к вечеру другая.

— Вам это нравилось?

— Когда деталь стоит и её не торопят — нравится.

Он чуть сдвинул телефон обратно на пачку.

— Дома громкая музыка? Инструмент? Стрельба?

— Музыка в наушниках. По дороге. Не чтобы весь автобус слушал.

— Как долго?

— Час, может. В обе стороны. Дома реже. Дрель есть, но я ей не живу.

Она спросила о воспалениях ушей, травмах головы, внезапной заложенности, случаях, когда одна сторона слышала хуже другой. О лекарствах до госпитализации. О головокружении — не просто слабости, а ощущении вращения, потере равновесия, падениях.

Денис задумался.

— После гриппа как-то шатало. Встал ночью за водой. Давно, зимой позапрошлой.

— Повторялось?

— Нет.

Инга записала эпизод с его датировкой, не превращая его в начало болезни.

— Писк, о котором вы говорили, когда впервые заметили?

— Здесь. В первую ночь, которую помню нормально. Когда всё выключили.

— До наезда такое бывало?

— Чтобы лежать и слушать его — нет. После смены уши гудели иногда. Но не так.

— С одной стороны или с двух?

Он прислушался к себе, нахмурился.

— Будто в середине. Сейчас тише. Ночью противнее.

Вместо следующего вопроса Инга посмотрела на его руку. Пальцы сжали край простыни.

— Боль усилилась?

— Не в ноге. Устал просто.

Она закрыла блокнот.

— На сегодня хватит. Жалобу передам лечащему врачу, он о ней знает. Если внезапно станет хуже слышно, сильно закружится голова или появится что-то новое — сразу зовите персонал. Не ждите моего прихода.

— А слух вы мне здесь проверите?

— Разговор у кровати для этого не подходит. После стабилизации нужен осмотр специалиста и исследование слуха в подходящих условиях. Объём определим по тому, что обнаружится. Тащить вас сейчас на все приборы подряд я не буду.

— Значит, пока непонятно.

— Пока в старых сведениях, которые я получила, нет установленного нарушения, объясняющего наезд. Но это ещё не полная оценка.

— Отец скажет, плохо искали.

Инга не стала отвечать за Льва.

Телефон снова поехал вниз. Денис поймал его, положил плашмя и закрыл глаза. Из коридора донёсся голос сестры, называвшей чью-то фамилию. Инга подождала, не понадобится ли ещё что-нибудь, затем встала так тихо, как позволили металлические ножки стула.

***

На следующий день Лев принёс конструкцию из двух коротких реек и гладкой светлой дощечки. Её можно было закрепить у кровати, не сверля и не затягивая металл инструментом. Крепления были обмотаны чистой тканью.

Сестра осмотрела её без восторга.

— На ограждение нельзя. Оно должно опускаться.

— Оно и будет.

— Не должно «будет». Покажите.

Лев поставил сумку с едой на свободный стул и присел возле кровати. Двигался он осторожно, но не робко: сначала проверил, где проходят детали, потом показал, как снимается вся вещь одним движением.

— Вот. Ни за аппарат, ни за трубки ничего не цепляется.

— И мыть это как?

— Покрытие моется. Края закруглены.

— Положите пока на тумбу. Старшая посмотрит. Самовольно к кровати не крепим.

Лев выпрямился. На лбу выступили капли пота.

— У вас мебель специально, чтобы здоровый помощи попросил?

— Чтобы рядом с кроватью могли работать, — сказала сестра. — А столик мы найдём. Не первый день ищем.

Когда она вышла, Денис слабо засмеялся.

— Пап, ты ей сейчас чертёж принеси.

— Есть чертёж.

— Я не сомневался.

Инга вошла как раз на этих словах. На тумбе стояли два подписанных контейнера, яблоко и дощечка с узким пазом для телефона. Паз был сделан не насквозь: сзади оставили место для провода.

— Вещь хорошая, — сказал Денис. — Только больницу не прошла.

— Пройдёт.

Лев достал из сумки ложку в полотенце, затем маленькую солонку.

— Это обратно, — сказал сын.

— Что?

— Соль обратно. Я не переселяюсь.

Лев убрал солонку. Домашнюю еду он принёс по списку, который накануне уточнил у сестры, однако всё равно спросил Ингу, можно ли Денису то, что было в первом контейнере.

— Питание согласуйте с отделением. Я здесь не назначаю диету.

— Уже согласовал, — сказал Денис. — Просто хочет ещё одну подпись.

Лев открыл крышку. Пахнуло картофелем и укропом. Этот запах сразу изменил палату: пластиковый стакан и свёрнутое одеяло стали похожи на вещи в комнате, где человек временно лежал, а не числился.

Сестра вернулась с низким столиком на колёсах. Один ролик шёл туго; она развернула его носком туфли.

— Вашу подставку старшая разрешила использовать отдельно, на тумбе. К кровати не крепить. Если мешает уборке — убираем.

— Принято, — сказал Лев.

Он установил телефон в паз. Денис посмотрел на экран, не удерживая его рукой, и коротко кивнул.

— Теперь камеру принеси.

Отец замер с ложкой.

— Какую?

— Мою. В чёрной сумке, в шкафу. И зарядку.

— Зачем она тебе здесь? Телефон есть.

— Чтобы не всё телефоном.

— Тяжёлая.

— Я на шею её не повешу. Пусть лежит.

Инга спросила, что он снимает.

— Раньше всё подряд. Сейчас больше детали. Не заводские, — добавил Денис. — Дома, на улице. Как вода на краске собирается. Или стекло с края. Если близко снять, не сразу поймёшь, что это.

— Вот и я не сразу понимаю, — сказал Лев. — Пришлёт мне ржавую петлю. Я думаю, менять надо. А он: «Свет хороший».

Денис улыбнулся уже без усилия.

— Петля у тебя двадцать лет висит. Свет хороший был минут пять.

Лев развернул полотенце на коленях, разгладил ладонью.

— Аккумулятор, наверное, сел.

— Поэтому зарядку.

— Возьму.

Инга уступила ему место у столика. Пока Денис пробовал еду, она сверила на тумбе номера полученных листов. Из коридора доносились голоса; дверь оставили приоткрытой для обхода.

— Лев, вы сегодня надолго сможете остаться? — спросила она, не оборачиваясь.

— Нет, без масла. Так сказали сделать.

Инга подняла голову. Лев смотрел на контейнер.

— Она про время, пап, — быстро сказал Денис. — До скольких ты…

Он оборвал фразу, взял стакан.

Инга повернулась к Льву всем корпусом.

— Вы сможете немного побыть с ним после обеда? О документах мне лучше поговорить с Денисом позже, когда он отдохнёт.

— Смогу. Сегодня смены нет.

Он ответил сразу. Инга не повысила голос и не задала контрольного вопроса. Усталость, коридор, собственная неудачная манера говорить в сторону — объяснений было достаточно, чтобы не выбирать одно возле чужой кровати.

Лев заметил её задержавшийся взгляд.

— Что?

— Спасибо. Тогда я подойду позже.

— Вы ешьте, если хотите, — сказал он, показывая на второй контейнер. — Тут на отделение хватит.

— Не хватит, — возразил Денис. — У тебя представление об отделении — два токаря.

Инга отказалась от еды, но осталась ещё на минуту. Денис объяснял отцу, какой объектив взять: маленький, без длинного кожуха. Лев повторил описание, затем достал телефон и записал. Сын не потянулся проверить запись.

На выходе Инга услышала:

— И новости с работы пока не надо.

— Я и не собирался.

— Ты с ними пришёл. Я вижу.

Ответа Льва она уже не разобрала. Дверь прикрыла сестра, пропуская перед собой тележку с чистым бельём.

***

Внизу, возле гардероба, позвонили из кадровой службы мастерских. Инга отошла от очереди в пустую нишу у лестницы.

Женщина говорила деловито, но не жёстко. Ей поручили подготовить сведения о трудовом маршруте Дениса, и она хотела понять, какие именно страницы нужны.

— Приказы о переводах, периоды работы, перечни операций, сведения о направлении на медосмотры, — перечислила Инга. — Медицинские результаты я запрашиваю у медицинской организации с его согласия. У вас прошу документы о работе.

— А заключение у нас есть. Можем приложить.

— Приложите в пределах запроса. Но это не заменит сведения о том, что он выполнял.

На другом конце шелестели бумаги.

— Ещё вопрос. У нас по Кругловым теперь оба под вопросом. Может, сразу отца и сына проверить? Чтобы уже снять это с повестки.

— Что значит «оба под вопросом»?

— Ну, пригодность. Отец возрастной, сын после такого. Они родственники, заявления можно вместе оформить.

— Для медицинской оценки родство ничего не объединяет. Денис дал согласие на определённую работу со своими сведениями. На сведения Льва Круглова оно не распространяется.

— Я понимаю, но вы же с ними разговариваете. Мы полные истории не просим. Нам бы знать, можно ли рассчитывать.

Женщина сказала это устало. У неё, вероятно, уже была таблица смен, где возле одной фамилии стояла травма, возле другой — вопрос. Инга посмотрела на людей у гардероба: мужчина держал чужое пальто за капюшон и терпеливо ждал, пока пожилая женщина найдёт номерок.

— Сейчас Денис лечится. Срок его возвращения не определён. Решение о дальнейшем допуске принимается по установленной медицинской процедуре, когда это станет возможно. Что касается Льва, у меня нет заключения о его пригодности.

— Но вы можете посмотреть?

— Могу предложить консультацию. Не по просьбе отдела кадров и не под видом обследования сына.

— То есть ничего пока?

— Вы получите ответ на запрос по трудовому маршруту и те заключения, которые положены работодателю. Полные карты в кадровую службу не передаются.

Она закончила разговор, записала имя звонившей и содержание запроса. Захотелось позвонить Софье и передать ей весь этот разговор вместе с раздражением. Вместо этого Инга отправила только рабочее сообщение: требовалось разъяснить порядок обмена документами, пока привычка «собрать всё в одну папку» не стала условием сотрудничества.

Лев спускался по лестнице, держа пустую сумку. Увидев Ингу, остановился на нижней ступени.

— Денис спит. Я за камерой.

— У вас есть десять минут?

— На что?

— Поговорить о вас.

Он посмотрел вверх, на площадку, откуда только что пришёл.

— Там человек лежит. Вот о нём и надо.

— О нём мы говорим отдельно.

В конце коридора были два стула. Инга предложила сесть. Лев остался стоять, поэтому она тоже не села.

— Сегодня вы не сразу поняли мой вопрос. Я говорила, отвернувшись. Когда повернулась, вы ответили без затруднения. Хочу предложить вам консультацию по слуху.

Он усмехнулся.

— Один раз не расслышал — уже пациент.

— Одного раза для диагноза недостаточно.

— Тогда зачем?

— Чтобы выяснить, бывают ли трудности и в других условиях. Есть ли что-то, с чем можно помочь.

— Помогите тому, кто под тележку попал.

Инга почувствовала, как легко было бы произнести следующий вопрос с нажимом: часто ли приходится переспрашивать, давно ли он выбирает, какой стороной встать к человеку. Она уже почти видела порядок ответов, хотя ни одного ещё не получила. Это ощущение собственной правоты было неприятно знакомым.

— У вас раньше исследовали слух? — спросила она.

— Медосмотры проходил.

— Я спрашиваю не про допуск.

— А я про другое не хочу.

Он сжал ручки сумки. Ладони у него были широкие, с тёмными полосами возле ногтей, которые не уходили после мытья. Вещь для телефона он сделал за ночь или рано утром; времени ни на сон, ни на собственный испуг, вероятно, не оставил.

— Хорошо, — сказала Инга. — Сейчас не будем.

Лев не двинулся.

— А потом начальству напишете: отказался.

— Я не проводила обязательный осмотр. Вы отказались от предложенной консультации. Неподтверждённого диагноза в отдел кадров не будет.

— Они уже спрашивали?

Инга не стала прятать телефон.

— Уточняли порядок документов. Я объяснила, что данные отца и сына не объединяются.

— Им дай одну бумажку, они остальное сами допишут.

— Поэтому важно знать, какую бумагу вы даёте и кому.

— А если ничего не дам?

— Вы вправе не передавать работодателю полную карту. Но я не могу обещать, что при этом вы сохраните допуск к любой операции без необходимого обследования. Если для вашей работы нужна обязательная оценка, её придётся проходить в установленном порядке. Работодатель должен получить итоговое заключение и ограничения, если они будут, а не все ваши диагнозы.

Лев отвёл глаза к окну. За стеклом мужчина в больничном халате пытался прикурить от зажигалки, заслоняя её обеими ладонями.

— Значит, всё равно загонят.

— Я предлагаю начать с консультации, где можно задать вопросы. Не с разговора о вашей негодности.

— Красиво звучит.

Инга убрала блокнот в сумку. Ей хотелось остановить его ещё одной точной фразой, которая наконец заставит понять разницу. Но Лев разницу, возможно, понимал. Просто она не устраняла того, чего он боялся.

— Контакт оставить?

— Не надо пока.

— Хорошо.

— А Денису скажете?

— О вашем разговоре с врачом — только с вашего разрешения.

Лев посмотрел на неё с внезапным недоверием, словно это правило оказалось неудобно симметричным.

— Он и так всё знает.

Инга не спросила, что именно. Лев спустился с последней ступени, расправил смявшуюся сумку и пошёл к выходу. У двери остановился, проверил что-то в телефоне. Потом вернулся к гардеробу за курткой, которую едва не забыл.

***

После обеда Денис был бодрее. Столик придвинули с другой стороны, подставка стояла на тумбе. На телефоне без звука шёл ролик: чьи-то руки разбирали объектив над белым листом.

— Сам ремонтируете? — спросила Инга.

— Нет. Смотрю, как люди теряют винты профессионально.

Он поставил видео на паузу.

Инга положила перед ним запись их первой беседы. Не перепечатанную начисто, а ту, где сохранялось его исправление.

— Прочитайте. Сегодня я не прошу вспоминать больше. Только проверить, верно ли записала то, что вы тогда сказали.

Денис поднял лист за верхние углы. Взгляд шёл медленно; один раз он вернулся к началу строки.

— Здесь правильно.

— Включая предупреждение?

— Да. Я его слышал.

Он провёл пальцем под зачёркнутыми словами.

— Вот это хорошо, что поправили. Я не знаю, где она подала. Мне сзади было слышно. Это я помню.

— Оставляем именно так.

За дверью проехала каталка. Одно колесо дребезжало на стыках плитки, и при каждом повороте звук становился резче. Денис перестал читать. Лист дрогнул в его руках.

Инга подождала, пока каталка минует палату.

— Сейчас что произошло?

— Ничего.

Он положил бумагу на столик, прижал ладонью.

— Вздёрнулся. Всё время так.

— Похожий звук?

— Нет. В том-то и дело. Там совсем иначе. А тут услышишь — и уже смотришь.

— До наезда так было?

— Нет.

Он помолчал.

— Если я теперь пугаюсь, они скажут, что и тогда испугался не того?

— Нынешняя реакция возникла после травмы. Я так и записываю. Она не доказывает, что у вас было такое состояние раньше.

— Но я же мог дёрнуться.

— Могли. Нам важно понять, что именно вы услышали и что сделали. Для этого есть ваш рассказ и другие материалы. А помощь с тем, что происходит сейчас, не должна зависеть от того, удобен ли этот симптом расследованию.

Денис потёр большим пальцем край простыни.

— Мне ещё одного врача?

— Можно начать с лечащего: сказать о сне, о звуках, о тревоге. Если понадобится, он предложит специалиста. Это не проверка на правдивость.

— Я не против. Только чтобы не пришли сразу трое и не спрашивали одно и то же.

— Передам эту просьбу.

Он взял лист снова и поставил дату возле подтверждения. Инга дала ему копию перечня медицинских сведений, которые ещё не поступили.

— Здесь прежняя поликлиника и организация, проводившая осмотры. Вы разрешили запросить необходимое. Я уточнила список. Посмотрите, нет ли того, что не хотите включать.

— Старое можно. Пусть смотрят, что было.

— Результаты сначала обсудим с вами.

Он кивнул, но лист не вернул.

— И отцу сначала не надо.

— Не буду передавать без вашего согласия.

— Я не про то, что скрывать навсегда. Просто если там будет хоть слово… он выберет одно. Остальное не услышит.

Инга вспомнила их разговор внизу и удержалась от желания разъяснить сыну, насколько отец сейчас напуган. Денис это знал без неё.

— Что именно вы хотите ограничить?

— Чтобы ему не пересылали результаты. И по телефону не рассказывали. Сначала мне. Потом решим.

— Так и отметим.

— Он обидится.

— Возможно.

Денис посмотрел на неё.

— Обычно говорят: поймёт.

— Я не могу за него обещать.

Он медленно выдохнул и вернул перечень.

— Подставку сделал хорошую, правда?

— Хорошую.

Денис поправил телефон в пазу.

— Всё продумал. Даже зарядку можно снизу.

Инга записала ограничение доступа. Не крупнее остальных условий и без отдельного заголовка о конфликте в семье.

Когда она уже собиралась уходить, Денис спросил:

— Вы ему сказали про слух?

— Я не обсуждаю чужую консультацию без разрешения. Вашу — тоже.

Он опустил глаза на свою подпись. После паузы кивнул.

Вечером Инга заняла маленький стол в комнате у матери. Ирина принесла настольную лампу с кухни: верхний свет отражался в экране.

— Только у неё выключатель тугой. За провод не тяни.

— Я знаю.

— Теперь знаешь. Старую я выбросила.

Мать ушла смотреть телевизор. Инга включила лампу и составила предварительную медицинскую записку для обсуждения с Денисом. Перечислила изученные документы, сведения с его слов, ограничения нынешней оценки. Отдельно обозначила: шум в ушах и тревожная реакция на звуки отмечены после наезда. В доступных дотравматических материалах не выявлено установленного нарушения, которое давало бы основание объяснять им происшествие. Требуются недостающие сведения и дальнейшая оценка после стабилизации состояния.

Она перечитала последнюю фразу. Не «заболевание исключено». Не «слух нормальный». И не вывод о будущей пригодности, для которого ещё не наступило время.

Телефон завибрировал возле лампы. Звонил Лев.

— Камеру привёз, — сообщил он без приветствия. — Сестра разрешила оставить.

— Хорошо.

— Он сейчас спит. Я дома уже. Хотел спросить: вы ему заключение написали?

— Предварительную запись нашей медицинской работы. Сначала обсудим с ним.

— Что ему нельзя в цех, там есть?

— Нет, Лев. Такого заключения я не давала.

Он молчал достаточно долго, чтобы Инга услышала за его спиной звук воды.

— Вы ведь видите, что с ним сделали.

— Вижу, как он тяжело пострадал.

— И всё равно не напишете.

— Не напишу то, чего не установила.

Вода перестала шуметь.

— Я не хочу его хоронить, — сказал Лев. Теперь в голосе не было ни нажима, ни просьбы договориться.

Инга сняла очки.

— Я понимаю, почему вы хотите убрать его оттуда. Но я не могу решить за него всю дальнейшую жизнь медицинской формулировкой. Сейчас он лечится. Потом будут восстановление и отдельные решения. Их ещё никто не принял.

— Ладно.

Он не положил трубку сразу.

— Завтра утром у него перевязка. Я потом зайду. Там у подставки ткань на зажиме намокла, поменять надо.

— Согласуйте с сестрой.

— Согласую.

Связь оборвалась. Инга убрала телефон и сохранила записку в медицинском разделе, отдельно от материалов осмотра цеха. На соседнем листе лежала схема с двумя отметками — западным местом Татьяны и южным направлением, названным Вершининым.

Она сложила схему, не добавив на неё ни одной медицинской пометки.

Глава 4. Принято в работу

На столе у Галины Черкасовой лежали две сменные ведомости. В одной строки были заполнены до конца, в другой после обеда шли пустые клетки.

— Нельзя просто перенести сюда вчерашнее задание, — сказала она стоявшему у стола мастеру. — Северная передача пропускает меньше. Вы это сами посчитали.

— Тогда отгрузку не собираем.

— Значит, не собираем в прежний срок. Дайте мне выполнимый.

Мастер заметил Ингу и Павла в дверях, свернул ведомости так, что пустые клетки оказались внутри, и вышел. Черкасова проводила его взглядом.

— Проходите. Я ещё не закончила говорить вам спасибо за обходной маршрут, а мне уже предъявили его стоимость.

Она не улыбнулась, но в голосе не было обвинения. Высокая женщина с тяжёлыми веками и коротко подстриженными ногтями, она выглядела скорее начальником большой смены, чем человеком, привыкшим принимать посетителей. На подоконнике стояли сменные ботинки. Пиджак висел на спинке стула, под телефонной трубкой лежал лист с фамилиями и временем звонков.

В служебной справке, присланной вместе с документами предприятия, Инга видела её возраст: пятьдесят два года. Сейчас Черкасова надела очки, посмотрела на пустой дверной проём и сняла их снова.

— Северный порядок проверили, утвердили. Работают по окнам. Но две лишние передачи на каждую партию никуда не делись. Заказ у нас один большой и несколько малых. Большой держит две смены.

— Какой режим на исключённом пересечении? — спросила Инга.

— Прежний. Запрет не снимали. Антон, покажите.

Мужчина у приставного стола открыл папку. До этого он поправлял на распечатке тонкую линию карандашом — не чертил заново, а соединял разрыв, возникший при печати.

— Антон Рябцев, главный инженер.

Он подал распоряжение, затем положил рядом другой документ, с прошитым приложением.

— Это проверка предупреждающего сигнала после происшествия. Не наше заключение со слов машиниста. Измерения, оборудование, методика, подписи исполнителей.

Павел придвинул листы. Инга читала через его плечо.

Сигнал был зарегистрирован в указанных контрольных точках. В таблице стояли уровни фонового шума и сигнала, в заключении — благополучная оценка по применённому критерию. Были дата, номера средств измерений, сведения о поверке, схема точек и подписи. На первый взгляд документ содержал всё, чего обычно не хватало бумаге, принесённой для немедленного успокоения.

— Подлинник у вас? — спросил Павел.

— Наш экземпляр. Второй у исполнителя. Комиссии копию передали.

— Цифровые исходники?

— Запросим. Пока получили протокол.

Черкасова потянулась к телефону, который зазвонил ещё на последней фразе.

— Да. Нет, двадцать вагонов я вам сегодня не подтвержу… Потому что не подтвержу двадцать, а не потому, что хочу подтвердить восемнадцать. Через час будет новый график.

Она положила трубку, не дожидаясь прощания, и повернула протокол текстом к себе.

— Я не предлагаю объявить, что ничего не произошло. У нас человек в больнице. Проход надо устраивать иначе, это уже понятно. Ограждение, порядок пересечения, дополнительная

проверка перед движением. На это будут деньги. Но нам нужно закончить работу в определённых границах.

— В каких? — спросила Инга.

— Проверить условия, подтвердить достаточность предупреждения после исправлений. Дать рекомендации по медосмотрам. Мы выполним, комиссия оценит. Не превращать одну транспортную операцию в обследование всего предприятия без даты окончания.

Рябцев развернул перед ними проектный план.

— Переделка не была прихотью. Здесь одновременно шли разные операции. Люди мешали друг другу, шум от соседнего участка накрывал рабочие места. Поставили экран, упорядочили подачу. По нескольким местам получили снижение. Это тоже надо учитывать.

Он показал границу экрана ногтем. На указательном пальце темнела тонкая ссадина.

— Будем учитывать, — сказал Павел. — Нужны прежние результаты и материалы после переделки. С условиями измерений.

— Дадим. Я не прошу вас оценивать это по фотографии.

Инга задержалась на последней странице протокола. Никакой явной ошибки, которая позволила бы легко отодвинуть документ, она не нашла. Проверку проводили после наезда, но это само по себе не делало её ненужной. Сигнал мог работать исправно. Денис и не говорил, что его не было.

— Мы не можем принять достаточность предупреждения как условие нашего задания, — сказала она.

— Почему? — Черкасова постучала пальцем по таблице. — Вот результат.

— Его нужно оценить вместе с обстоятельствами происшествия. Пока у нас неполный комплект.

— Что именно вы считаете сомнительным?

— Я ещё не считаю этот протокол недостоверным. Прошу исходные записи, рабочие листы, описание условий и задание, по которому проверяли. И документы изменения участка.

Рябцев чуть отодвинул папку от края стола.

— Исполнители подтвердят цифры.

— Мы просим не только цифры.

Черкасова посмотрела на часы.

— Сегодня получите то, что есть здесь. Остальное запросим. После обеда принесите предмет работ, сроки и стоимость. Отдельно — то, чего вы пока не знаете. Только не пишите «комплексное исследование» без расшифровки. У меня от таких слов обычно появляется ещё один счёт.

— У нас тоже, — сказал Павел.

Она впервые коротко улыбнулась.

***

Измерительная комната находилась между инструментальной и кабинетом технологов. За дверью пахло промасленной бумагой; внутри — нагретым пластиком чайника. На длинном столе стояли закрытые футляры, а возле окна лежала вытертая ткань, которой протирали детали перед проверкой.

Сотрудница комнаты освободила им половину стола, переложив футляры на стеллаж.

— Только на зелёную подложку чашки не ставьте. Для чашек у нас отдельная метрология.

Она подвинула поднос с двумя разными кружками. Павел поблагодарил и поставил ноутбук подальше от чайника.

Рябцев принёс документы сам. В папке были перечень выполненных работ, акты монтажа, листы проверки креплений, электрическая часть, результаты шумовых измерений и схема расстановки оборудования. Павел разложил их в порядке дат.

— Это проект? — спросил он, подняв большой лист.

— С отметками по выполнению.

— Исполнительные размеры внесены?

— Основные.

— Мы их проверим на месте. Пока не буду ставить по этому листу расстояния на схему осмотра.

Рябцев кивнул без возражений. Его раздражало другое: Павел возвращался к содержанию каждого акта, не удовлетворяясь названием папки.

Монтаж экрана был принят. Крепления проверены. Перенесённые рабочие места обозначены. Приложенный лист замеров подтверждал, что определённые шумовые условия действительно оценивали. Но когда Павел спросил о совместной работе прохода и транспортного пути после переделки, Рябцев достал отдельную ведомость.

В ней оставались пункты с пометками о последующем выполнении.

— Транспортная часть закрывалась отдельно, — сказал он. — Разметка, организация перехода, уточнение инструкции.

— До завершения работ участок использовали?

— По временному порядку.

— Он в комплекте?

— Будет.

Инга посмотрела на подпись внизу ведомости. Рядом с резолюцией Черкасовой стоял срок. Она не стала сейчас спрашивать, почему директор разрешила работу: сначала следовало получить сам временный порядок и понять, что именно им разрешалось.

— Транспортная установка оставалась прежней, — продолжил Рябцев. — Привод тот же, управление то же. Сигнал никто не менял. Мы не строили новую транспортную систему.

— А рабочее место у поста меняли? — спросила Инга.

— Его границы уточняли.

— Экран появился.

— Чтобы снизить шум.

— И часть пути за ним перестала быть видна.

— Поэтому и существует предупреждение перед движением.

Павел поднял глаза от бумаг, но Инга опередила его:

— Предупреждение существует. Человек пострадал. Нам нужно выяснить, почему эти два факта оказались совместимы.

Рябцев сел напротив.

— Вы сейчас объединяете всё, что находится в цехе. Любое перемещение верстака тогда потребует новой приёмки всей линии.

— Нет. Мы говорим об изменениях возле места наезда. Установка могла остаться прежней, а условия, в которых люди с ней работают, — измениться.

Он провёл ладонью по схеме, расправляя сгиб.

— Обмеряйте. Только не переносите проектные размеры в выводы как фактические. Там колонна ещё по старому строительному плану, от неё привязка гуляет.

— Именно поэтому и просим доступ для обмера, — сказал Павел.

Сотрудница комнаты поставила перед ними чайник и открыла металлическую коробку. В ней лежали пакетики сахара, несколько сухарей и чайная ложка с отогнутой ручкой.

— Сахар?

— Да, спасибо.

Она выдала Павлу два пакетика, затем подумала и положила третий.

— Запас. После обеда кладовая закрыта.

— Возврат неиспользованного по акту?

— Лучше использованный не возвращайте.

Рябцев хмыкнул. Впервые за утро они оказались за столом не как люди, оспаривающие достаточность чужой работы, а как четверо взрослых, которым давно хотелось чаю.

Пока вода остывала, главный инженер показал Павлу, какие обозначения на плане устарели, где хранится монтажная фотофиксация и к кому обращаться за исходными файлами. Инга записывала номера документов. Ей было важно не потерять эти сведения в споре. Человек мог верно объяснить устройство узла и неверно оценить границы собственной проверки; одно не отменяло другого.

— По результатам проверки предупреждение исправно, — сказал Рябцев, закрывая папку. — Я всё же прошу это не забывать.

— Не забудем, — ответила она. — И в перечне материалов оно будет.

После его ухода Павел допил чай и придвинул к ней ведомость незавершённых работ.

— У нас не отсутствие приёмки вообще. Часть действительно принята и проверена.

— А часть?

— По представленному комплекту не могу сказать, что взаимодействие транспорта и людей оценили целиком. Надо получить остаток. Иначе напишем больше, чем знаем.

Инга кивнула. На столе лежали настоящие документы о настоящих улучшениях. Они не объясняли, как Денис оказался под тележкой, но вычеркнуть их ради удобной версии тоже было нельзя.

***

Софья подключилась по видеосвязи, когда сотрудники ушли на обед. За её спиной виднелись знакомый шкаф центра и край яркого шарфа, повешенного на спинку стула.

— Дайте сначала посмотреть, что вам предлагают подписать.

Инга направила камеру на проект задания. Софья прочла вслух:

— «Подтверждение соответствия условий труда и достаточности предупредительной сигнализации». Хорошо оплачиваемый ответ, который уже помещён в вопрос.

— Пока это предложение, — сказал Павел. — Они готовы менять.

— Тогда меняем. Кто от работников?

Инга назвала должность и показала лист участия. Представитель, присутствовавший при первом осмотре, должен был прийти на итоговую встречу. Расширенную программу собирались согласовать с комиссией; предприятие оплачивало исследование, но не становилось единственным получателем результатов.

Павел открыл смету. В первой таблице были предварительный сбор данных, гигиенические измерения, обследование фактических условий и подготовка промежуточного заключения. Во второй — работы, необходимость и объём которых ещё предстояло определить.

— Это не два варианта на выбор, — сказал он. — Это этапы. В первом только то, что можем сейчас описать и посчитать. Если потребуется полный комплекс акустических исследований, его делает профильная партнёрская лаборатория. Не мы под своим бланком.

— Ты уже получил цену? — спросила Инга.

— Предварительный диапазон. Твёрдая будет после задания. Здесь отдельно указаны выезд, специалисты и обработка. Нулей нет.

Он развернул экран. Инга пробежала глазами суммы, затем посмотрела на календарь возле таблицы. Рудогорские осмотры стояли в среду. Передача пакета на внешнюю проверку — в пятницу. Эти строки нельзя было освободить, просто решив, что Североречинск теперь важнее.

— Если работать вдвоём до выходных, первый этап можно расширить, — сказала она. — Не терять время на новое согласование.

Павел помолчал.

— Можно расширить обещание. Работу — не всю. В пятницу от нас ждут не письмо с извинением, а материалы проверки. И область аккредитации не становится шире от того, что мы оба здесь.

Инга хотела возразить, что доступ к предприятию тоже не бывает вечным. Черкасова могла выбрать исполнителя, которому достаточно уже полученного протокола. Но на экране рядом с новой сметой оставались обязательства перед людьми, чьё расследование завершилось шесть недель назад и чья жизнь от этого не перестала требовать расходов.

— По Рудогорску деньги пришли? — спросила она.

— На согласованный этап наблюдения. Я их здесь не считаю. Ни как резерв, ни как временный заём. Платёж по фургону тоже показан отдельно в нашем календаре, он в понедельник. На закупки из этой сметы его не перекладываем.

— Хорошо. Оставляем этапы.

Софья сняла очки и приблизилась к экрану.

— И предел результата. Вы не обещаете установить причину одним договором. Обещаете выполнить определённые работы, сообщить, что они подтверждают, чего не позволяют утверждать и что нужно дальше. Предприятие вправе знать цену следующего этапа. Не вправе купить право назвать первый окончательным.

Она начала править текст. На общем экране исчезло слово «подтверждение», появилось «независимая оценка».

— Моё представительство Дениса сюда не включаем, — сказала Софья. — Отдельное соглашение с ним, отдельный доступ. Ни оплата исследования, ни предоставление помещения не дают администрации права согласовывать его объяснения.

— Они могут сказать, что у нас заранее одна сторона.

— Поэтому роли будут написаны прямо. Я защищаю интересы пострадавшего и не подписываю технический результат. Вы отвечаете за свои выводы, даже если они неудобны мне. Медицинские сведения — только в разрешённом и необходимом объёме. Чужие карты мне не нужны.

Инга посмотрела на лежавшую рядом папку. Медицинской записки Дениса в ней не было. Утром она намеренно оставила её в другом комплекте.

— Предприятие захочет понимать, не мешал ли слух, — сказала она.

— Получит относящийся к делу вывод по надлежащей процедуре. Не всю жизнь человека приложением к счёту.

У Павла погас экран ноутбука. Он пошевелил мышью, вернулся к смете и убрал из первой строки слова «окончательный отчёт».

— Промежуточный, — произнёс он. — С перечнем открытых вопросов. За это сложнее просить деньги.

— Зато это мы действительно можем сделать, — сказала Инга.

Из коридора донеслись голоса возвращавшихся с обеда. Сотрудница комнаты заглянула внутрь, увидела работающую связь и молча поставила у двери ещё один стул.

***

На итоговую встречу Черкасова пришла с графиком отгрузки. Лист положила рядом с проектом соглашения, не поверх него.

Представитель работников занял место у окна. Это был тот же мужчина, который при первом осмотре разворачивал план северной передачи. Сейчас он принёс запись замечаний смены. На полях были подсчитаны дополнительные операции и время ожидания.

Софья оставалась на связи. Её голос шёл из небольшого динамика, и все невольно говорили по очереди: стоило двоим начать одновременно, слова превращались в неразборчивый треск.

— Десять рабочих дней на первый этап, — прочла Черкасова. — От чего считаем?

— От получения согласованного минимального комплекта и допуска к работам, — ответил Павел. — Перечень приложен. Но запросы отправляем сегодня, а доступные наблюдения начинаем завтра.

— Если один архивный лист не найдётся, вы не начинаете отсчёт?

— Нет. Существенность недостающего фиксируем письменно. Что можно выполнить без него — выполняем. Срок приостановки нужно обосновать.

— Лучше. Расширение — только отдельной сметой.

— Да, — сказала Инга. — И с указанием, зачем оно требуется.

Черкасова перевернула страницу.

— «Условия использования предупреждений, обзорность, организация пересечения». Вы врачи и гигиенисты. Кто будет оценивать транспорт?

— Профильный специалист в своей части, — ответил Павел. — Мы не подпишем за него. Сейчас связываем доступные сведения и определяем, какие исследования нужны. Полный комплекс акустических работ также выполняется партнёрской лабораторией в пределах её компетенции и области аккредитации.

— То есть я оплачиваю вам ещё и поиск тех, кто умеет?

Павел немного откинулся на стуле.

— Вы оплачиваете указанную в смете координацию. Без неё тоже можно: заключить отдельные договоры и получить несколько результатов, которые никто не сопоставит. Но скрывать эту работу в цене измерений мы не будем.

Черкасова посмотрела на него поверх очков, затем поставила галочку возле строки.

— Названные специалисты и стоимость до начала их работ. Не потом.

Представитель работников поднял руку, хотя говорить можно было без разрешения.

— Наблюдения у людей — в рабочее время?

— По согласованному графику, — сказал Павел.

— И чтобы не было: кто согласился носить прибор, тот задержался после смены заполнять бумагу.

— Внесём время на пояснение задач и запись маршрута.

— Ещё. Нам копию результата дадут не после того, как начальство поправит?

Софья ответила сразу:

— Передача сторонам и комиссии одновременно. Фактические замечания можно подать, они сохраняются. Право редактировать выводы не предоставляется никому.

— Медицинские сведения сюда не входят, — добавила Инга.

Мужчина кивнул и зачеркнул один из своих вопросов.

Рябцев до этого молча читал приложение. Теперь он положил ладонь на строку о проверке ранее полученных результатов.

— Здесь написано: «оценка применимости протокола к обстоятельствам происшествия». Зачем отдельно? Протокол действующий, выполнен компетентной организацией. Вы можете включить его в исходные данные.

— Включим, — сказала Инга.

— Тогда почему его применимость под вопросом?

— Потому что это одна из задач исследования.

— С тем же успехом я могу потребовать оценить применимость ваших будущих измерений.

— Можете. Мы укажем условия и ограничения. Исходные записи сохранятся.

Рябцев перевёл взгляд на Черкасову.

— Мы повторно оплачиваем уже сделанную работу.

— Пока нет, — сказал Павел. — Мы просим комплект, чтобы понять её пределы. Не предлагаем автоматически всё перемерять.

Черкасова подвинула к себе копию благополучного протокола. Листы зашуршали в наступившей тишине.

— Допустим, вы получите тот же результат. Предупреждение достаточное. Вы это напишете?

— Если исследование это подтвердит — напишем, — ответила Инга. — Только укажем, для каких условий и по каким критериям.

— Без обязательного продолжения?

— Без выдуманного продолжения. Но и без обещания заранее закончить на удобном ответе.

Директор сняла очки, потёрла переносицу. Из окна было видно, как возле склада водитель закрепляет борт пустой машины. График отгрузки на столе оставался непрочитанным.

— Мне нужен конечный расход, — сказала она уже тише. — Зарплата через неделю. Заказчик согласен сдвинуть одну партию, не весь месяц. Я не могу подписать оплату неизвестного количества исследований.

— Вы её и не подписываете, — сказала Софья. — Сейчас — этот этап. Следующий потребует отдельного решения. Но отказ от следующего этапа не превращает неполный результат в доказательство безопасности. Это условие остаётся.

Черкасова некоторое время смотрела на текст, затем обвела карандашом сумму.

— Здесь потолок, не ориентир.

— Здесь согласованная стоимость перечисленных работ, — ответил Павел. — Дополнительные — только письменно.

— Хорошо.

Оставались хранение материалов, порядок доступа и безопасность самих исследований. Комиссия должна была получать программу работ, затрагивающих зону происшествия, до их начала; изъятые и сохранённые материалы нельзя было менять ради удобства замера. Новые файлы сохранялись вместе с исходными, исправления — с указанием автора и даты. Договор не давал центру права запускать установку или возвращать пересечение в эксплуатацию.

Представитель работников прочёл этот пункт вслух.

— Значит, подпись под исследованием не значит, что мы согласились снова ходить там завтра.

— Не значит, — подтвердила Инга.

Рябцев сделал ещё одну правку в перечне технических документов: часть хранилась не у него, а в службе главного механика. Он вписал ответственного, номер внутреннего телефона и вернул лист.

Подписывали уже после конца административного рабочего дня. В коридоре уборщица придерживала ногой дверь, чтобы вывезти ведро. Черкасова заверила последний экземпляр, проверила количество приложений и велела секретарю зарегистрировать запрос исходных материалов до ухода.

— Антон, по вашему комплекту — сегодня. От внешних исполнителей запросим утром, если сейчас не ответят.

Софья дождалась, пока ей показали подписанные страницы, и отключилась. На погасшем экране осталось отражение Павла, складывавшего смету в папку.

Рябцев передал Инге заверенную копию протокола проверки сигнала.

— Это полный полученный нами экземпляр. С приложениями. Исходники придут отдельно.

Она сверила число листов с описью и расписалась в получении. В нижнем углу сопроводительного письма секретарь поставила штамп: «Принято в работу», дату и входящий номер.

На улице стало прохладнее. Павел пошёл к фургону за оставленным зарядным устройством, а Инга задержалась у окна коридора. Через стекло виднелась часть цеховой стены — без экрана, поста и пересечения, только кирпич, водосток и закрытая дверь.

Она снова раскрыла протокол. Измерения были проведены, подписи стояли на своих местах, итоговая оценка оставалась благополучной. За весь день в этой бумаге не изменилось ни одного числа.

Инга вложила её в папку рядом со схемой осмотра, не закрывая таблицу листом с двумя несовместимыми направлениями. Теперь ей предстояло удержать оба документа в работе: не отбросить хороший результат и не позволить ему ответить на вопрос, которого исполнителям, возможно, не задавали.

Глава 5. Защита от разговора

На столе перед Павлом лежали четыре маленьких прибора, четыре зажима и четыре листка с номерами. Рабочие смотрели на них с тем выражением, с каким обычно смотрят на новую систему учёта.

— Разговоры пишет? — спросил молодой слесарь.

— Нет. В этой настройке сохраняет уровни звука по времени. Записи речи не будет.

— А если я уйду покурить?

— Будет участок с другим уровнем.

— То есть всё-таки пишет, когда я курю.

Павел отложил зажим.

— Прибор не знает, где курилка. И я не собираюсь вычислять ваши перерывы по провалам на графике. Нам нужно понять воздействие шума за смену, с перерывами тоже. Для этого вы отмечаете задачи и переходы. Не каждую минуту — начало операции, смену места, остановку оборудования.

Слесарь взял один из листков.

— А мастеру потом покажете?

— В общий отчёт пойдут условия и результаты измерений. Не таблица, кто сколько стоял у автомата с кофе. Порядок передачи мы вчера закрепили с вашим представителем. Можете прочесть.

— Я читал. Там длинно.

— Поэтому сейчас коротко: наблюдаем условия работы, а не вашу добросовестность.

Инга стояла у двери измерительной комнаты, чтобы не теснить людей возле стола. До начала смены оставалось двадцать минут. Из коридора тянуло влажной одеждой; утренний дождь застал рабочих между остановкой и проходной. Один повесил куртку на спинку стула, остальные оставили на себе. От капюшона молодого слесаря на пол понемногу капало.

Павел показал, где будет микрофон: на плече, возле уха, но так, чтобы не задевать воротник и не мешать каске. Провод закрепил, свободную петлю убрал под одежду. Попросил повернуть голову, поднять руки.

— Тянет?

— Нет.

— Если начнёт мешать операции, не терпите. Остановитесь в безопасном месте и позовите меня. По микрофону не стучать, воздухом не обдувать.

— А он сам поймёт, где у нас станок, где вытяжка?

— Нет. Ему нельзя поручить догадаться, где вы провели смену. У него для этого слишком хорошая поверка и слишком мало жизненного опыта.

Молодой слесарь улыбнулся и перестал вертеть листок.

Перед установкой Павел проверил показания приборов с калибратором, внёс время и номера. Инга смотрела, как мужчина с узкими плечами надевает каску и наушники. Он дважды прижал чашку справа, затем потянул дужку очков вверх. Та снова ушла под уплотнение.

— Обычно так? — спросила она.

— Если выше, очки съезжают. Ниже — давит.

— Болит к концу смены?

— Не то чтобы болит. Мешает.

Он снял очки, вытер линзы краем чистой салфетки и снова надел. У переносицы остались красные вмятины.

Павел записал модель наушников, крепление к каске, обозначение очков. Попросил разрешения сфотографировать посадку сбоку, без лица.

— Только не пишите, что я не умею надевать, — сказал мужчина.

— Запишем, что дужка проходит под уплотнением. Насколько это влияет на защиту, по фотографии не определишь.

У второго участника край уплотнительного кольца был расплющен, а на нижнем сгибе появилась трещина. Он провёл по ней большим пальцем.

— Вчера ещё не было.

— Могли не заметить, — сказал Павел. — С этим в шумную зону не пойдём. Есть запасные кольца или исправная пара?

Мастер, стоявший в коридоре, пошёл к кладовой. Рабочий остался возле стола с наушниками в руках.

— Вы сейчас замените, а получится, будто всегда новые носили.

Инга посмотрела на Павла. Он уже вписывал строку.

— Не получится. Состояние до замены зафиксировали. Время замены тоже будет. Сегодняшнее измерение не перепишет вашу прошлую смену.

Мужчина кивнул не сразу.

Татьяна пришла последней. Она принесла свои наушники в прозрачном пакете и положила рядом с приборами, словно деталь на входной контроль.

— Эти с новой выдачи. Старые были легче.

— Уши полностью внутри чашек? — спросил Павел.

— Внутри. Только когда зовут, приходится вот так.

Она чуть отвела правую чашку.

Они ещё находились в тихой комнате. Павел попросил показать движение ещё раз, записал его и не стал просить повторять в цехе.

— На каких операциях?

— Когда мне что-нибудь говорят. А говорят обычно в самый подходящий момент — когда ничего не слышно.

— Надолго отводите?

— Пока не скажут.

— Это может быть несколько секунд или несколько минут?

— Несколько минут я бы сама не выдержала.

Татьяна вернула чашку на место. Инга заметила, что на вопрос о шуме она отвечала охотнее, чем на вопрос о привычке сдвигать защиту.

— Если не отводить, что делаете? — спросила Инга.

— Смотрю на человека. Иногда по губам понятно.

— А если он стоит спиной?

— Тогда ему самому надо подумать, зачем он со мной разговаривает.

Мастер вернулся с запасной парой. Рабочий примерил её, повёл челюстью и поморщился.

— Туже.

— Проверим регулировку, — сказал Павел. — Просто потерпеть — не метод подбора.

На листах постепенно появлялись не только номера приборов, но и каски, очки, уплотнения, способы крепления. Издали все четыре пары наушников выглядели почти одинаково. Вблизи каждая по-своему вмешивалась в лицо, голову, привычку поворачиваться на голос.

К началу смены люди разошлись по согласованным действующим участкам. К исключённому пересечению никто не пошёл. За ограждением оставались неподвижный путь и тележка, к которой сегодня не требовалось подходить ради измерений.

***

На северном участке работа шла медленнее обычного. Передачу очередной партии ждали у жёлтой стойки; мастер смотрел на часы, но не давал команды раньше установленного окна.

Инга наблюдала с обозначенного прохода. В наушниках шум утратил острые края, однако не исчез. Через подошвы доходила мелкая дрожь. Люди различали её без видимого усилия: один отступал перед началом операции, другой поднимал голову ещё до того, как мастер повернулся к нему.

Мужчина у верстака ждал задания с карандашом в руке. Мастер сказал что-то, глядя в ведомость. Рабочий не двинулся. Мастер поднял глаза и повторил, уже лицом к нему. Тогда карандаш пошёл по бумаге.

Чуть дальше молодой слесарь кивнул на фразу, которой Инга не разобрала, и потянулся за лотком. Татьяна, находившаяся рядом, остановила его ладонью. Не схватила, только перекрыла движение.

— Второй!

Слесарь показал два пальца. Татьяна отрицательно качнула головой, ткнула в ярлык на соседнем лотке и поднесла его ближе. На нём было написано: «Повторный контроль».

Он убрал руку от первого лотка.

Ничего опасного не произошло. Лотки оставались на столе, оборудование рядом не двигалось. Но Инга увидела, сколько действий понадобилось, чтобы передать два слова.

Позже, в комнате отдыха, она спросила слесаря:

— Что вы поняли сначала?

— Что второй надо взять.

— А сказали?

— На повторный отправить.

— Почему кивнули?

Он пожал плечами.

— Первое услышал. Думал, остальное как обычно.

Татьяна сняла наушники и положила их чашками вверх.

— Вот именно. Надо слушать до конца.

— Я и слушал.

— А взял не то.

— Мы же не в школе, чтобы каждый раз поднимать руку.

У стола сидел ещё один рабочий, старше остальных, с узкой полосой седины над ушами. Он разворачивал бутерброд из фольги и в разговор до этого не вмешивался.

— Если я каждое слово переспрашивать буду, — сказал он, — мне к вечеру скажут: ты сюда работать пришёл или беседовать?

— Я тебе такого не говорила, — ответила Татьяна.

— Ты — нет.

Он тщательно сложил фольгу, хотя хлеб ещё не доел.

Инга села на свободный стул. Здесь можно было говорить обычным голосом, но после цеха люди продолжали выкрикивать первые слова фразы.

— Когда не разобрали, как проверяете?

— По обстановке, — сказал старший рабочий. — Вижу, что делают. Знаю, что дальше должно быть.

— Если задание изменилось?

— Тогда уже спрашиваю.

— Если поняли, что изменилось.

Он посмотрел на неё и отложил бутерброд.

— Если поняли, да.

Молодой слесарь вытянул ноги под столом.

— Мне лучше два раза сходить. Чем остановить всех, пока мне объясняют. Потом премию режут не за то, что плохо услышал. За то, что не сделал вовремя.

— За переспрос премию никто не режет, — сказала Татьяна.

— За минуту — нет. За смену недоделанного — режут.

— А перепутанное переделывать быстрее?

— Я не говорю, что быстрее.

Спор не разгорался. Оба знали продолжение и устали от него заранее.

Инга спросила Татьяну:

— Как вы понимаете, что человек принял именно нужную команду?

— Он делает.

— А до того, как сделал?

Татьяна открыла рот, потом посмотрела на лежавшие на столе наушники.

— Можно громче сказать.

— Вы только что сказали громче. Он показал два пальца.

Молодой слесарь хотел улыбнуться, но передумал.

Из коридора донёсся звон ложки о стакан. Кто-то позвал мастера. Татьяна потёрла пальцем внутреннюю сторону оголовья.

— Тогда повторить должен, — сказала она. — Не просто кивать.

— Чем это сейчас предусмотрено?

— Ничем. Сами понимаем.

Старший рабочий снова взял бутерброд.

— Когда слышим, понимаем.

Павел до этого сидел у двери и сверял отметки маршрута. Теперь поднял голову:

— Я запишу сегодняшний обмен у лотков как наблюдение передачи задания. Без вывода о вашем слухе.

— А такой вывод вы всё равно будете делать? — спросил молодой слесарь.

— По кивку — нет, — ответила Инга. — Если есть трудности, их можно отдельно обсудить с врачом. Не здесь и не при мастере.

— А потом скажут: наушники выдали, сами носить не умеют.

— Мы записали и состояние защиты, и то, как вам передают команды. Одно другого не отменяет.

Татьяна поднялась первой. До окончания перерыва ещё оставалось время, но сидеть под вопросами ей явно надоело.

— Я всем в лицо заглядывать не успею. У меня контроль, не разговорный клуб.

— Тогда нужен способ, при котором вам не придётся угадывать, понял человек или нет, — сказала Инга.

— Нужен, — неожиданно согласилась Татьяна. — Только пусть он работает, когда обе руки заняты.

Она унесла наушники, оставив на столе влажные овалы от чашек.

После перерыва Инга увидела, как мастер протянул тому же слесарю ведомость и указал строку пальцем. Слесарь прочёл, коснулся номера лотка и дождался кивка. Это заняло несколько секунд. Инга не стала подходить с похвалой. Следующее задание могло быть устроено иначе, и пока никто не знал, сколько таких коротких проверок выдержит привычный темп смены.

***

К вечеру на лицах участников остались следы уплотнений. Один первым делом растёр кожу за ушами, другой долго расчёсывал пальцами примятые волосы. Приборы вернулись на стол вместе с листками, на которых были исправления, жирные отпечатки и время, записанное поверх прежнего времени.

Павел по одному снимал микрофоны, проверял комплектность и проводил завершающую акустическую проверку. Молодой слесарь ждал у стола.

— Ну что, оглохну?

— Этот прибор измерял шум, а не ваше будущее.

— А по цифрам?

— По цифрам защита здесь нужна. Остальное — после обработки и с учётом работы. Если беспокоит слух, это отдельный разговор с Ингой.

— Да я просто спросил.

Он забрал куртку. Сегодня она успела высохнуть.

Два участника ушли сразу, старший задержался, чтобы уточнить неверно записанное время перехода. Татьяна осталась ждать копию своего листа. Пока принтер прогревался, она разглядывала экран ноутбука.

На графике шли широкие неровные участки, провалы перерывов, короткие подъёмы. Павел увеличил один из них, сверил с отметкой операции, затем вернул общий вид.

— Весь день? — спросила Инга.

— Для этих работников — от начала до окончания смены. Здесь перерыв, здесь ожидание передачи. У стационарных точек отдельно стоят длительности. Часть ещё надо проверить по журналу оборудования.

— Уже можно что-то сказать?

— На уровне предварительного разбора. Шумовая нагрузка сохраняется. Во время нескольких операций она существенно выше, чем в ожидании. Без защиты работать нельзя. При этом сегодняшний день не равен тому, когда произошёл наезд.

Он развернул маршрутный лист. Северный порядок давал больше ожиданий и другие переходы; часть привычных задач выполняли иначе. Инга видела, что Павел не пытается превратить длинную запись в готовую реконструкцию только потому, что наконец получил её целиком.

Из папки он достал прежние измерения, приложенные к документам переделки.

— Здесь есть основания считать, что на некоторых местах стало тише. Если сопоставлять только похожие операции. Но точки и длительности не везде совпадают, режимы описаны хуже, чем хотелось бы. Прямо вычитать одно среднее из другого я бы не стал.

— То есть экран всё-таки помог? — спросила Татьяна.

— Возможно, помог снизить воздействие шума на части рабочих мест. Это ещё проверяем. И не означает, что теперь все остальные задачи решены.

— Я не говорю, что все.

Павел открыл отдельный лист наблюдений защиты.

— У нас другое добавилось. Посадка с очками, изношенное кольцо, отведение чашки для разговора. Для фактического ослабления это важно. Паспортную цифру нельзя просто вычесть из уровня у плеча и объявить, сколько дошло до каждого уха. И надо смотреть, какие команды остаются доступными при нормальном ношении.

— «Доступными» — это слышно или нет? — спросила Татьяна.

— Для начала. Потом — можно ли разобрать.

— А если слышно и разобрала?

Павел повернулся к ней.

— Что именно?

— Сигнал. Не слова. Я знаю, как тележка предупреждает. Его ни с чем не спутаешь.

Инга отодвинула чашку от ноутбука. Вопрос о сигнале возник не впервые, но сейчас Татьяна говорила не о том крике, который сама подала с западной стороны.

— Вы сейчас о каком случае? — спросила она.

— Не о Денисе. У меня было раньше. Идёшь, слышишь — надо смотреть. Смотришь не туда.

— Куда вы посмотрели?

— К закрытому пролёту.

Инга не придвинула к ней схему с уже нанесёнными стрелками.

— Что заставило повернуться?

Татьяна сдвинула стул, освобождая место для ног.

— Оттуда было слышно. Не тихо, не сквозь вату. Нормально слышно. Я не про то, что не расслышала.

— Источник увидели?

— Потом. На пути был. Не там, куда я голову повернула.

Павел держал руку на мыши, но график больше не двигался.

— Давайте отдельно запишем ваш рассказ, — сказала Инга. — С тем, что помните уверенно, и с тем, чего не помните. Не станем сейчас достраивать по сегодняшней смене.

— Записывайте. Только вы опять будете спрашивать, хорошо ли я слышала.

— Спрошу, что вы услышали и откуда. Это разные вопросы.

Татьяна посмотрела на Павла.

— Вот. А вы мне весь день про то, сколько.

Он снял очки и положил рядом с клавиатурой. Инга ждала привычного уточнения: что программа только началась, что измерения нужны, что никто не обещал ответа за смену. Всё это было бы верно.

— Да, — сказал Павел. — Сегодня я измерял главным образом сколько.

Татьяна не торжествовала. Она всё ещё ждала, не окажется ли её возражение неправильно заданным.

— Эти ряды нужны, — продолжил он. — Они показывают воздействие и помогают разбирать защиту. Но здесь нет ответа, с какой стороны вам слышится источник. Даже если я выведу уровень для каждой секунды.

Он повернул экран к Инге.

— Мы пришли к недоступности предупреждения через шум. А слово «недоступность» у нас спрятало несколько разных вещей.

Инга достала лист с первыми объяснениями, не передавая его Татьяне.

— Вершинин услышал голос с одной стороны. Человек, который кричал, находился с другой. Денис отдельно описал направление позади себя. Это нельзя проверить одним уровнем.

— Нельзя, — сказал Павел.

Он добавил к сегодняшнему рассказу Татьяны дату записи, отметил, что это предварительная беседа и что обстоятельства прежнего эпизода ещё предстоит уточнить отдельно. Затем вернулся к графику.

— Я не стану называть измерения бесполезными. Но для главного вопроса их недостаточно.

Принтер наконец выдал лист. Татьяна забрала его и пробежала глазами свои отметки.

— Здесь ожидание с двух пятнадцати. Я написала с двух пяти. Исправьте, пожалуйста.

Павел придвинул ручку.

— Отметьте сами, я подпишу внесение.

Она исправила время, поставила инициалы и ушла. Её возражение осталось рядом с вполне пригодными числами.

***

После смены измерительная комната казалась просторнее. На батарее лежали снятые защитные чехлы, возле чайника стоял единственный чистый стакан. Инга ополоснула свою кружку и налила воды Павлу, не спрашивая, будет ли он чай.

Он создал копию рабочей программы. Старую не закрыл: обе версии оставались на экране рядом.

— Четыре вопроса, — сказал он. — Дошёл ли сигнал. Узнал ли человек, что это предупреждение. Если была речь — понял ли содержание. Определил ли, откуда пришло.

— И что должен сделать после него.

— Это уже вместе с организацией движения. Но да, нужно оставить. Можно правильно услышать команду, у которой нет однозначного безопасного действия.

Инга перечитала формулировки. Ещё утром ей казалось, что Павлу потребуется больше точек, больше времени записи, несколько дополнительных сопоставлений. Теперь предстояло менять не объём привычной работы, а сам вопрос.

— Кому позвонишь?

— Вере Самойловой. Акустик у партнёров. По шуму мы с их лабораторией уже сверяли методы. Пространственные задачи — её профиль, не мой.

Он открыл рабочий каталог. Возле фамилии стояли контакты, перечень выполненных работ и короткая справка; Инга мельком увидела возраст — тридцать девять. На снимке женщина щурилась от солнца, держа под мышкой папку без обложки.

Вера ответила не сразу. Когда Павел включил громкую связь, первым прозвучало:

— Дай минуту, я выйду. Здесь меня лучше измерять, чем слушать.

Шум на другом конце ослаб, закрылась дверь.

Павел изложил задачу коротко: наезд, исключённое пересечение, перестроенная рабочая зона, раздельные свидетельства о несовпадении воспринятого направления с установленным местом источника. Рассказал о начатых шумовых измерениях и сегодняшнем возражении Татьяны.

— Есть версия? — спросила Вера.

— Есть вопросы к среде и к тому, как используют защиту. Объяснения, которое мы могли бы защищать, пока нет.

— Хорошо. Мне нужны план и фотографии с привязками. Проект отдельно от фактических размеров. Что измерили — присылайте с исходниками и журналом. Где стоял слушатель, где мог быть источник, какие режимы известны, какие только предполагаются.

— Есть протокол проверки предупреждения после наезда. Благополучный.

— Его тоже. И что у него с исходными материалами?

— Запросили. Часть ещё не получили.

— Тогда не будем заранее спорить с выводом. Сначала поймём, что проверяли.

Инга наклонилась ближе к телефону.

— Это Инга Мельникова. На действующих участках работники жалуются и на понимание речи. Сейчас мы не можем свести это к одному состоянию слуха.

— И не надо. Для начала мне не нужны их полные карты. Нужны задачи, защита, условия и раздельные описания затруднений. Если будем делать испытания с участниками, медицинские условия и согласия обсудим отдельно.

— Опасное пересечение закрыто, — сказал Павел. — Тележка после происшествия не используется. Программу в этой зоне согласуем с комиссией.

— Я не прошу её пускать. Для первого этапа — документы, осмотр и безопасные условия инструментальной работы. Никаких людей на пути ради проверки, куда они повернутся.

Она говорила без нажима, делая паузы, пока Павел записывал.

Ближайший выезд у Веры был занят. Предварительный разбор она могла начать раньше, если лаборатория оформит задание и получит минимальный комплект. Названная сумма укладывалась в диапазон, который Павел показывал вчера, но только для начального этапа. Очные работы, аренда дополнительного оборудования и возможные исследования с участниками требовали отдельного расчёта.

— Я пришлю предложение по этапам, — сказала она. — И сразу разделю, что идёт как испытания в области аккредитации лаборатории, а что будет исследовательской частью. Одним заголовком это лучше не накрывать.

Павел записал стоимость, затем повернул блокнот к Инге.

— Предварительный разбор можем оформить в согласованном резерве. Выезд — только после дополнения.

Инга кивнула.

— Рудогорский пакет не сдвигаем.

— Его проверяет наш коллега. Завтра моя сверка остаётся. Я Софье отправлю новую смету вместе с этой версией программы.

Ни одна строка не исчезала в безымянных «сопутствующих расходах». Это делало приглашение чужого специалиста менее эффектным и гораздо более возможным.

— Ещё вопрос, — сказал Павел в телефон. — До вашего приезда есть смысл провести дополнительную проверку слышимости сигнала на безопасных позициях?

— Сначала пришлите, что уже есть. Не добавляйте громкости только потому, что кто-то повернулся не туда. Установим условия вокруг источника и человека. Иначе получите ещё один хороший ответ неизвестно на какой вопрос.

После разговора Павел некоторое время сидел, глядя на четыре новых пункта. Потом сохранил версию и отправил Инге ссылку для проверки.

В коридоре прошла Татьяна. Она вернулась за забытым пакетом; на ней уже была лёгкая куртка, волосы после наушников ещё не расправились. У двери инструментальной она остановилась боком к ним и начала искать что-то в сумке.

Павел вышел следом.

— Татьяна, копию…

Она не повернулась.

Он набрал воздуха, чтобы повторить громче, но остановился. Подошёл так, чтобы попасть в поле её зрения, и дождался, когда она поднимет голову.

— Копию вашего листа забрали?

— Забрала. Вот пакет оставила.

Она показала его, зажатый под локтем, и снова посмотрела на Павла.

— Самойловой позвонили?

— Да. Пришлёт программу.

— Только не ставьте нас там ходить, как он шёл.

— Не будем.

Татьяна застегнула сумку. Павел придержал дверь, пропуская её к лестнице, и вернулся за ноутбуком. На экране под вопросами об уровне и понимании сигнала стояла новая строка: «Откуда человеку слышится предупреждение».

Пока возле неё не было ни одного результата.

Глава 6. Последний метр

На экране тележка ещё не доехала до края перегородки, а в журнале привода уже стояла команда останова.

— Если читать часы как одни и те же, он затормозил до того, как увидел человека, — сказал Павел.

Вершинин сидел у двери измерительной комнаты. Куртку он не снял, хотя здесь было тепло. На стол перед ним положили только схему и лист с его прежним объяснением; видео пока остановили до появления Дениса.

— Я так не говорил.

— Это не к вам вопрос. К часам.

Присланный комиссией инженер по внутрицеховому транспорту придвинул ноутбук. У него были большие пальцы с короткими квадратными ногтями; маленькой сенсорной площадкой он пользовался осторожно, словно боялся продавить её.

— Покажите предыдущую передачу. Где разрешающая лампа меняет состояние.

Павел открыл второй фрагмент рабочей копии. Номер файла, контрольная сумма и запись о получении лежали рядом на бумаге. Исходную выгрузку они не трогали.

На стене возле неподвижного пульта загорелась лампа. Через несколько кадров началось движение.

— Вот здесь, — сказал инженер. — В журнале есть смена этого выхода. Только лампа может с задержкой загореться. И камера не каждую долю секунды нам отдаёт.

— Поэтому берём не одну точку.

Они просмотрели ещё два доступных эпизода перед наездом. Во всех часы камеры отставали от времени контроллера примерно на шесть секунд. Точнее пока не получалось: запись шла с пропусками между кадрами, а момент включения лампы занимал светлое пятно на двух соседних изображениях.

Павел записал диапазон, не сводя его к одной цифре.

— Нынешнее время на камере тоже проверим, но назад его просто переносить нельзя. После происшествия часы могли поправить.

— Не поправляли, — сказал присутствовавший электрик.

— Это внесём как ваше сообщение. А историю настроек всё равно запросим.

Вершинин посмотрел на свои часы. Инга заметила движение и придвинула к нему схему.

— Вы пришли проверить, верно ли обозначены место управления и ваши действия. Секунды вспоминать не нужно.

— Я уже не пойму, что помню, а что мне показывали.

— Тогда так и говорите.

Его согласие на просмотр относилось к короткой части записи без момента контакта. Павел поставил начало ещё до движения тележки, убрал звук — пригодной речи в файле всё равно не было. Инга села так, чтобы видеть Вершинина, а не только монитор.

Колёсная пара медленно вошла в кадр. За ней тянулась низкая платформа; крупный обод почти закрывал противоположный край пути. Экран делил изображение на две неравные части. Слева от него было видно бетон, полосу на полу и стойку. Справа — только верх каски на дальнем рабочем месте, не связанном с пересечением.

В открытом просвете появился Денис.

Вершинин резко выдохнул.

Павел остановил запись.

— Дальше не надо, — сказал Олег.

— Не будем.

— Вот тут я его и увидел. Не так сверху, конечно. С моего места ниже.

Инженер сделал отметку.

— До этой точки он мог стоять ближе к посту? Или здесь, где замешкался?

— «Замешкался» пока уберите, — сказала Инга.

Он поднял глаза.

— Я про невидимый участок.

— На записи там экран. Мы не знаем, стоял он, шёл или поворачивался.

Инженер посмотрел на остановленный кадр, стёр карандашом слово и написал: «Зона вне обзора камеры».

Вершинин провёл пальцем по краю схемы.

— А вы сможете узнать, раньше я нажал или позже?

— Относительно чего? — спросил инженер.

— Чем надо.

На столе щёлкнул остывавший чайник. Никто не потянулся наливать.

— Сначала установим, когда человек мог стать вам виден, — ответил инженер. — Потом — какие действия зарегистрированы и что успела сделать установка. «Чем надо» из одного журнала не получится.

Олег кивнул не сразу. Он проверил подписи на схеме, подтвердил место пульта и встал. Инга проводила его до двери. В коридоре он остановился, будто ждал нового вопроса о женском крике.

Она не спросила.

Когда Вершинин ушёл, они вернулись к записи. Видео показывало движение платформы, появление Дениса в просвете и уменьшение скорости. Журнал содержал команду останова и изменение параметров привода. После поправки на смещение времени эти события перестали противоречить друг другу, но точного момента, когда Олег распознал опасность, ни один источник не давал.

Павел расположил под видеорядом полосу журнала. Между двумя отметками оставил заштрихованный промежуток.

— Так некрасиво, — сказал он.

— Что именно? — спросила Инга.

— Нельзя провести одну вертикальную линию и всем объяснить жизнь.

Инженер впервые улыбнулся.

— Оставьте. Полезный промежуток.

На бумаге у Инги появились три короткие записи: что попало в кадр, что зарегистрировал привод и чего не видно ни там, ни там. Последняя строка оказалась самой длинной.

***

К испытательному участку их допустили после одиннадцати.

Запрет на пересечении оставался в силе. Для проверки установки комиссия согласовала отдельную программу: разрешение касалось только перечисленных действий, не возвращения тележки в работу. До перемещения зафиксировали состояние оборудования, креплений, колёс и пути. Теперь платформа стояла на прямом участке, освобождённом от людей и посторонних грузов.

Инга остановилась за ограждением у защищённой площадки наблюдения. Отсюда низкая тележка выглядела почти безобидной: серое основание, массивная колёсная пара, кабель, уходящий к приводу. Её опасность плохо передавалась размерами. На полу пришлось отложить несколько меток, прежде чем стало видно, сколько места занимает остановка.

Руководитель испытаний проверял закрытые подходы по рации. С каждого поста отвечали отдельно. Один проход не подтвердили, и пуск задержался.

— Там уборочная тележка осталась, — сообщил голос.

— Убрать. После этого повторно проверить ограждение.

Никто не предложил обойтись обещанием, что уборщица сейчас не придёт.

Вершинин наблюдал из соседнего помещения через окно. За управление поставили другого допущенного машиниста, ознакомленного с программой. Олегу предлагали остаться на разборе результатов или уйти; к пульту его не звали.

Павел закрепил камеру за ограждением. Скорость и путь измеряли специалисты транспортной группы своими средствами; он только сверял регистрацию событий и условия записи. Для каждого прохода в лист вносили нагрузку, начальную скорость, положение колёсной пары, состояние рельсов и способ подачи команды. Нагрузка соответствовала документам на ту пару, которую везли в день наезда, но инженер отдельно отметил предел точности этих сведений.

Первый проход сделали на пониженной скорости.

Тележка тронулась без рывка. С расстояния её движение казалось медленнее человеческого шага. У контрольной метки дали останов. Привод изменил звук, платформа продолжила катиться и замерла дальше.

Инга смотрела на зазор между первой и второй меткой. В этом пустом пространстве не было ничего зрелищного: только затёртая краска и неровность бетона возле рельса.

После подтверждения снятия питания специалисты вышли измерить фактическое положение. Затем снова ушли за ограждения. Следующий проход разрешили лишь после переклички.

— Почему не один? — спросил стоявший рядом представитель работников.

— Один даст одну остановку, — ответил инженер. — Нам нужен разброс в заданных условиях.

Повторные проходы занимали больше времени подготовкой, чем движением. Проверяли не только обычный останов, но и предусмотренные программой защитные функции. После каждой серии сверяли журнал и измеренное расстояние. Ничего не регулировали между проходами, чтобы не получить исправность вместо проверки; состояние оставалось тем, которое описали до начала.

К концу серии инженер снял очки и протёр их чистым краем рубашки под курткой.

— Тормоз работает. В этих условиях результат устойчивый, в пределах технических требований. Следов отказа при осмотре не нашли.

— А тогда? — спросил представитель работников.

— В журнале за день происшествия нет признаков самопроизвольного разгона. То, что удалось оценить по видео, с ним согласуется. Превышение установленной скорости не подтверждается. Но сегодняшние проходы не повторяют прошлое целиком.

— Для акта это всё напишете?

— Именно всё. Вместе с ограничениями.

Инга увидела, как Вершинин отошёл от окна.

После испытаний питание отключили, заперли разъединение и проверили отсутствие возможности движения. Тележку закрепили. Лишь затем группа вернулась к месту управления у исключённого пересечения.

Для проверки обзора использовали контрастную мишень на стойке. Её высоту задавали по нескольким уровням — нельзя было считать, что заметная каска означает видимое положение всего человека. До каждого изменения стойки ответственный подтверждал, что оборудование остаётся обездвиженным.

Инга встала на отметку, соответствовавшую положению машиниста. Не касалась пульта. Сначала ей показалось, что пост виден достаточно: часть стойки, участок пола, светлая кромка шкафа. Потом инженер попросил смотреть именно туда, откуда Денис появился на видео.

Экран закрывал это место.

Мишень передвинули. Над краем мелькнул светлый угол, но по нему невозможно было понять, что находится ниже. Ещё немного — и стойка появилась в узком просвете.

— Здесь камера уже видит, — сказал Павел.

— А отсюда позже, — ответил инженер.

Он сменил Ингу у отметки, проверил соседние положения головы, попросил записать диапазон. Никто не выдавал единственную удобную позу за постоянную позу Олега.

Потом на полу обозначили передний край приближавшейся платформы в соответствующей части видеозаписи. Размеченный ранее путь остановки мысленно приходилось переносить сюда, в короткий открытый участок. Инге не понадобилось представлять человека на рельсах. Метки и без него располагались слишком близко.

— С момента появления препятствия здесь гарантированно остановиться до него нельзя, — сказал инженер. — При скорости, которую дают наши источники, и с учётом измеренного торможения. Ещё есть время на обнаружение и действие человека. Его сегодня не измеряем.

Рябцев, пришедший к концу испытаний, держал руки в карманах рабочей куртки.

— Но сигнал подаётся до входа в зону.

— Это другой канал предупреждения, — ответил инженер. — Сейчас проверили обзор.

— Нельзя оценивать установку так, будто сигнала нет.

— И будто он всегда заменяет видимость — тоже нельзя, — сказала Инга.

Рябцев посмотрел вдоль экрана.

— По проекту здесь проход, а не рабочее место.

— Пока мы не установили даже точное положение Дениса до появления в просвете, — сказал Павел. — Поэтому проход не превращаем в место стоянки. Но невидимую зону уже измерили.

Главный инженер подошёл к отметке управления. Ему уступили место. Он немного наклонился, выпрямился, посмотрел поверх ближней части оборудования.

— Сюда нужна выносная индикация, — произнёс он.

— Запишите предложение, — ответил транспортный специалист. — Только сегодняшняя проверка не разрешает движение. И проверкой одного тормоза приёмка пересечения не заканчивается.

Ограждение на выходе закрыли за ними. Последней из опасной зоны вынесли мишень — лёгкую стойку, которую один человек держал двумя пальцами.

***

В комнате отдыха Вершинин налил кипяток в кружку без заварки и сел. Пакетик чая остался возле локтя.

— Исправная, значит.

Инга сняла каску, поставила её на свободный стул.

— По проверенным узлам отказ не подтвердился. Подробное заключение ещё оформят.

— Я слышал.

Он смотрел на воду. На дне кружки была тёмная трещина в глазури.

— Все говорят: хорошо, что тормоза рабочие. А мне от этого не хорошо.

Инга не стала отвечать сразу. В соседней комнате разговаривали о северной передаче: кому оставаться после обеда, кто отвезёт следующую партию. Здесь при закрытой двери слова были неразборчивы, только привычная рабочая интонация.

— Если бы сломалась, было бы понятно, — продолжил Олег. — А раз нет — значит, я.

— Между исправным тормозом и вами есть ещё условия, в которых вы должны успеть его применить.

— Вы сейчас как в заключении.

— Могу проще. Вам закрыли обзор. Это сегодня проверили. Что именно вы могли сделать в каждый момент, ещё устанавливают. Я не буду объявлять вас ни виновным, ни невиновным за чаем.

Он усмехнулся и наконец опустил пакетик в воду.

— Хоть кто-то не объявляет.

Потом улыбка исчезла.

— Дома сижу. Телевизор жена включит, там кто-нибудь тормозит — хоть машину рисованную показывают. Я уже ногой… У нас же не педаль. А я ногой в пол. Или рукой ищу, куда нажать. Во сне раньше нажимаю. Всё время раньше.

Он говорил ровно, с недоумением человека, обнаружившего у себя ненужную привычку.

— Сколько удаётся поспать?

— По кускам. Днём бывает засну. Потом просыпаюсь — думаю, на смену не пришёл.

— Алкоголем не пробовали засыпать?

— Один вечер. Только хуже. Больше не хочу.

Инга спросила о лекарствах, о том, удаётся ли есть, может ли он оставаться один. Не открывала производственную папку. Олег следил за её руками и постепенно перестал держать кружку обеими ладонями.

— Помните, я предлагала отдельную помощь?

— Помню. А это сразу значит, что мне больше нельзя за пульт?

— Само обращение — нет. Но и обещать возвращение без оценки я не могу. Сейчас есть основания поговорить со специалистом о сне и этой реакции. Не с комиссией по наезду.

— Начальник узнает, что я расскажу?

— Содержание приёма — медицинские сведения. Если потребуется ограничение работы, его оформляют отдельно, в необходимом объёме. Не пересказом вашего сна.

Олег потянул к себе чистую салфетку.

— Телефон напишите. Я сам позвоню. Только не надо, чтобы мне оттуда звонили на общий.

Она написала номер и имя специалиста, у которого можно было получить консультацию, затем повторила на словах порядок записи. Вершинин сложил салфетку вчетверо и убрал в бумажник, не в карман рабочей куртки.

— Я ведь раньше спиной понимал, где какая телега, — сказал он. — По стыку, по приводу. У нас одна под нагрузкой тоньше поёт. Пока не глянешь, уже знаешь.

Он отодвинул кружку.

— Вот это не пишите. Ещё скажут — спиной управлял.

— Я сейчас не записываю показания.

— А про крик всё равно будут спрашивать.

— Возможно. Уточнять имеют право. Но ваша первая запись сохранена.

— С юга было слышно. Я не собираюсь переделывать, чтобы на схеме красиво.

— Не переделывайте.

Инга застегнула сумку. Ей хотелось сказать, что он сделал всё возможное. За этот день она несколько раз слышала, как люди ждут именно такой фразы, и понимала, сколько облегчения могла бы купить ею на минуту. Но пока не знала, правда ли это.

У двери Олег окликнул её:

— А когда они снова включат?

— Пересечение сегодня не разрешили.

Он кивнул. Этого ответа оказалось достаточно, чтобы допить чай.

***

Сервисные задания принесли после обеда вместе с копией сменной ведомости. Бумага была тёплой от аппарата, на одном листе у края шла серая полоса. Мастер пересчитал страницы и прижал их ладонью, прежде чем передать Павлу.

— Только тут не вся жизнь написана.

— Поэтому вы здесь, — ответил Павел.

Инга сидела с другой стороны стола. После цеха в измерительной комнате всё казалось слишком неподвижным: чайная ложка на блюдце, провод ноутбука, свёрнутая куртка на подоконнике. Только мастер всё время переминался, хотя ему предложили стул.

По утреннему заданию Денис должен был работать на разборочном участке. В ведомости стояли номер партии и две операции. Южный наладочный пост проходил в другом документе — заявке на проверку узла, с отметкой о передаче в службу наладки.

Исполнителем был указан Лев Круглов.

Инга посмотрела на дату, потом на номер смены.

— Могли перепутать при копировании?

— Нет. Вот исходная ведомость в журнале. Заверить можно.

Мастер раскрыл переплетённую книгу на той же странице. Напротив фамилии Дениса стоял другой участок.

— Переназначение было?

— От меня — нет.

— От кого ещё могло быть?

Он перечислил должности. Павел записал, кому направить уточнение.

— Устно могли попросить?

— Могли. Я же сказал: тут не вся жизнь. Если наладчику надо придержать, принести, посмотреть с другой стороны, на каждое движение наряд не переписывают.

— Денис имел право помогать на этой операции?

Мастер наконец сел.

— Смотря что делал. Одно дело инструмент подать. Другое — самому лезть в настройку. Я там не стоял и не видел.

— Тогда пока не называем его уход самовольным.

— Я и не называл.

— В устном разборе уже прозвучало.

Мастер отвёл взгляд к окну.

— Люди говорят. У нас теперь все знают, кто где должен был быть.

Павел поднял лист заявки.

— Нужны сведения о фактическом вызове и выполнении. Кто принял, кто прибыл, кто отметил окончание. Если чего-то не записывали, так и укажите.

— У наладчиков в блокнотах бывает. По времени сверяют.

— Это не заменит зарегистрированную заявку. Но может помочь уточнить маршрут.

Мастер забрал пустой лист для перечня недостающих документов. На выходе он задержался.

— Вы только не сделайте, что помогать друг другу запрещено. Потом будут стоять и смотреть, пока один мучается.

— Мы выясняем, что произошло, — сказала Инга. — Не придумываем запрет задним числом.

В больницу она позвонила до выезда. Денис согласился на короткую беседу, лечащий врач разрешил зайти после отдыха. Инга взяла одну копию задания, но оставила её в сумке.

В палате пахло влажной тканью и свежевымытым полом. Денис лежал с закрытыми глазами. Камера стояла на тумбе возле подставки, ремешок был аккуратно свёрнут, чтобы не свисал. Когда Инга вошла, он открыл глаза сразу.

— Снова документы?

— Вопрос о вашем маршруте. Можно сейчас?

— Давайте.

Она села. На аппарате наружной фиксации ровно лежала чистая повязка. Денис поправил край одеяла выше колена и ждал, не спрашивая, что удалось узнать в цехе.

— В сменной ведомости ваша работа указана на разборочном участке. У южного поста было задание службы наладки. Вас туда кто-то направил?

— Я помогал по работе.

— Это было распоряжение или договорились на месте?

Он посмотрел на окно. Стекло отражало белую стену палаты; с кровати почти не было видно улицы.

— А мастер что сказал?

— Своего распоряжения не подтвердил. Но сказал, что краткая помощь не всегда записывается отдельно.

— Ну вот.

Инга почувствовала знакомое раздражение от ответа, который одновременно соглашался и ничего не сообщал. На языке уже стоял следующий вопрос: кому именно он помогал. Можно было вынуть заявку, положить рядом две фамилии, попросить объяснить разницу. Денис следил за её рукой возле сумки.

— Я не считаю, что одна ведомость доказывает нарушение, — сказала она. — Нужно понять, какую работу вы там выполняли.

— Понимаю.

Он закрыл глаза, потом снова открыл.

— Сегодня хватит? Я устал.

— Хватит.

Инга не стала добавлять, что остался всего один вопрос. Записала только произнесённое, прочла ему короткую фразу о помощи по работе и отметила, что подробности не обсуждали по его просьбе. Денис кивнул.

— Камеру удалось включить? — спросила она, убирая блокнот.

— Зарядил. Тут всё время кто-нибудь в кадр лезет.

— Больница.

— Я заметил.

Он чуть улыбнулся. Инга придвинула тумбу на расстояние, которое он показал, не трогая саму камеру, и вышла.

Внизу у лестницы она остановилась ответить Павлу. Он прислал снимок листа технической проверки: окончательные подписи собирались завтра, замечания к предварительным результатам принимали сегодня. Инга подтвердила получение и открыла рабочий перечень.

Первый вопрос теперь был уже не общим: когда Денис мог стать виден с места управления и сколько пространства оставалось для остановки. Рядом стояла ссылка на сегодняшний обмер.

Второй сохранял прежнюю формулировку: почему он оказался у южного поста. Ответ «помогал по работе» оставался под ним, без расшифровки.

Инга достала копию заявки. На сгибе бумага скрывала начало строки; она расправила лист ладонью. Южный наладочный пост стоял напротив фамилии Льва Круглова. Фамилии Дениса рядом не было.

Глава 7. Запись у Иры

В половине третьего Ирина Петровна поставила возле двери сумку и села переобуваться.

Инга ещё держала телефон у уха. Из мастерских прислали подписанный лист технической проверки; Павел просил сверить, не потерялась ли в окончательной версии оговорка об условиях испытаний. Оговорка осталась. Зато номер приложения на второй странице был чужой.

— Исправление пусть оформят отдельно, — сказала Инга. — Не заменяют файл молча. Я посмотрю вечером.

Она закончила разговор и открыла сообщение от Софьи.

— Мам, может быть, после четырёх? Тут ещё…

— Мы на половину третьего собирались.

— Я помню.

Ирина нагнулась к правому ботинку. Шнурок ушёл под подошву; она вытащила его, расправила, но завязывать сразу не стала.

— Ты можешь потом одна сходить. Ключи дам. Только я хочу сама разобрать, что там моё, что его. А не читать, что вы нашли.

Инга положила телефон экраном вниз.

— Сейчас.

— Куртку возьми. Там холодно.

До гаражей шли вдоль пустыря, где уже пробилась трава, но в колеях ещё стояла мутная вода. Ирина выбирала сухие места без подсказки. Инга дважды замедляла шаг и дважды замечала, что мать это видит.

У ворот Ирина достала ключ из отдельного кармана.

— Сначала на себя. Потом поворачивай. Если давить, опять заест.

Инга выполнила всё в указанном порядке. Замок открылся легче, чем она ожидала.

Внутри пахло железом, старым деревом и резиной. Машины здесь не было давно; вдоль стены стояли банки с крепежом, сложенные дугой шланги, деревянный ящик с садовым инструментом. На верстаке лежала снятая ручка от кухонного шкафчика. К ней проволокой был привязан пакет с двумя винтами.

— Это ещё от нашей старой кухни?

— От той. Он хотел другую резьбу нарезать.

— За двадцать четыре года шкаф уже два раза сменили.

— Вот ручку можешь выбросить.

Инга взяла её. Пластмасса была тёплого жёлтого цвета, с потёртым блестящим краем. Она помнила, как в детстве открывала этот шкаф коленом, когда обе руки были заняты тарелками. В памяти ручка оставалась целой.

— Ты сама сказала, — заметила Ирина.

— Я ничего не сказала.

— Подумала громко.

Ручку положили в коробку у входа. Следом туда отправился высохший тюбик клея, но банку с надписью «Мелочь, не мешать» Ирина оставила на полке.

— Там всё одинаковое.

— Снаружи.

В банке действительно оказались разные винты, обломок тонкого сверла и две бельевые прищепки. Инга не стала выяснять систему.

На боковой стенке шкафа кнопкой была приколота фотография. Николай сидел на складном стуле, в расстёгнутой рубашке, с полотенцем на плече. Лицо смазалось от движения; в руке он держал что-то тёмное.

— Эту сними, — сказала Ирина. — Неудачная.

— Он смеётся.

— Он жует. Я ему сказала: подожди, прожуй. Он не подождал.

Инга помнила тот день иначе: жара, мокрые волосы после купания, отец, который не давал себя снять серьёзным. Теперь пригляделась. Во второй руке у него действительно был надкушенный огурец.

— Мне нравится.

— Тогда забери. Только не вздумай потом ставить на какой-нибудь стенд.

Она придержала рамку очков пальцем и отошла к шкафу. Инга сняла фотографию вместе с кнопкой, завернула кнопку в клочок бумаги, чтобы не поцарапать снимок.

Отец на фотографии был моложе её нынешней. Это всякий раз требовало небольшой поправки: не в датах, а в привычке ждать от него большей взрослости, чем от себя.

Телефон завибрировал в кармане. Инга посмотрела на экран и отключила звук.

***

Кассета лежала не среди рабочих тетрадей.

Ирина достала с нижней полки жестяную коробку из-под печенья. В ней были гарантийный талон от давно выброшенного телевизора, запасные пуговицы на картонке, сложенный вчетверо платок и несколько кассет в пластиковых футлярах. На одном выцвела цветная обложка, другой был без вкладыша.

— Вот эта.

Она отделила от остальных футляр с треснувшим углом. Сквозь прозрачную крышку виднелась обычная бытовая кассета. На узкой бумажной наклейке шариковой ручкой было написано: «Дисп.».

Инга не потянулась к ней сразу.

— Можно снять, как лежит?

— Здесь уже не так, как он положил. Я перекладывала.

— Тогда так и запишем.

Она расчистила край верстака, положила чистый лист, достала телефон. Сняла коробку, потом закрытый футляр с обеих сторон. Ирина наблюдала, придерживая пальцами крышку коробки.

— Всю коробку забирать не надо.

— Не буду.

— И остальные кассеты тоже.

— Только эту.

Ирина поставила коробку обратно, но дверцу шкафа не закрыла.

— Сначала скажи, кому отдашь.

— Вере Самойловой. Павел пригласил её для работы в мастерских. Она занимается акустикой, у неё есть опыт переноса старых записей. С кассетой будет отдельное поручение. Если для неё нужно другое оборудование или другой специалист, сначала скажет нам.

— А ты уже договорилась?

— Ещё нет. Я не могла договориться за тебя.

Мать посмотрела на неё поверх очков.

— За себя могла.

— Могла.

Снаружи проехала машина. Свет от открытых ворот скользнул по крышке футляра; Инга заслонила её ладонью от прямого солнца.

— Оригинал должен остаться, — сказала Ирина. — Не чтобы потом мне дали файл и сказали, что это то же самое.

— Останется.

— В интернет ничего не выкладывать. Ни голос, ни куски. И не давать всем слушать, потому что им интересно.

Инга достала блокнот.

— Напишем. Исследование, без публикации. Передача другим людям — отдельно согласуем.

— Там могут быть не только служебные разговоры. Я не помню, что на второй стороне.

— Это тоже укажем.

— Мне копию. Такую, чтобы я могла включить, если захочу. И когда вам скажут, что получилось, я хочу сама слышать. Не от тебя потом: «Мам, там вот что».

Инга записывала не быстрее, чем мать говорила. На словах «сама слышать» ручка на мгновение остановилась. Она уже представляла порядок, в котором ей было бы удобнее: сначала получить заключение, оценить, подготовить Ирину, выбрать безопасные слова. Мать не оставляла для этого отдельного этапа.

— Обсуждать результат будем вместе, — сказала Инга. — Но может оказаться, что слушать почти нечего.

— Это я понимаю.

— И восстановить всё нельзя.

— Ты мне ещё ничего не обещала, а уже отказываешься.

Инга подняла глаза.

Ирина чуть усмехнулась, но руку с футляра не убрала.

— Я не прошу сделать новый голос. Какой сохранился.

На верхней полке стоял старый кассетный магнитофон. Шнур был намотан на ручку, одна кнопка запала ниже других. Инга заметила, что смотрит на него слишком долго.

— Этот не включаем, — сказала она.

— Я и не собиралась. Он ещё тогда ленту жевал.

Носитель можно было испортить одним домашним прослушиванием. Инге хотелось услышать хотя бы шипение перед голосом, убедиться, что внутри маленького прямоугольника действительно что-то осталось. Она убрала магнитофон из поля зрения, прикрыв дверцу шкафа.

Ирина сама открыла футляр. Кассету не вынимали: осмотрели доступные стороны, сняли надпись, винты корпуса, видимые через окна рулоны ленты. Ни отломанных частей, ни явных следов сырости Инга не увидела и так и записала — без заключения о сохранности записи.

— Когда ты в последний раз её слушала?

— Давно. Дома ещё тот большой магнитофон был. До ремонта кухни.

— Год вспомнишь?

— Не стану выдумывать. Могу по квитанциям попробовать.

— Пока оставим «точно не помнит». А здесь она всё время лежала?

— Нет. Сначала дома, в ящике с его бумагами. Потом я часть сюда перенесла. В сухой шкаф. Коробку меняла.

Инга отметила последовательность без дат.

— Откуда он принёс именно эту кассету, ты знаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.